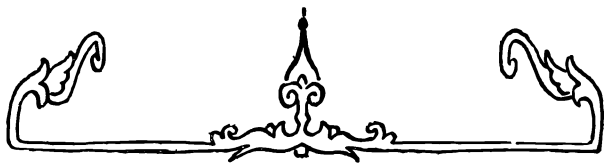

Георгий Рудницкий

В Ярославле

Георгий Кудлицкий

В ЮГОСЛАВИИ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1957

Писатель Георгий Иванович Кублицкий был в Югославии в конце 1956 года, много ездил по стране, знакомился с разными сторонами ее жизни, бытом и нравами народа.

Его очерки рассказывают о том, как сегодня живут югославы.

Scan AAW

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Центральные улицы Белграда входят прямо в аллеи ничем не огороженного Калемегданского парка. Здесь всегда толкуются бродячие фотографы. Они прицеливаются объективами в тех, кто пересекает пограничную трамвайную линию, за которой асфальт сменяется желтым песком: не угоден ли вам моментальный, естественный снимок под сенью лип и платанов?

Белградцы лениво отмахиваются: пусть, мол, фотографируются туристы, а мы пришли сюда не за этим. С толком выбрав местечко, горожане наслаждаются солнцем и пением птиц, попивают кофе из термосов или тянут прямо из бутылок «кокту» — напиток, по их мнению, мало уступающий американскому «кока-кола»...

Калемегдан занял выгодную высоту над стрелкой Дуная и Савы. По-моему, лучшая часть парка — площадка у речного обрыва возле крепостных стен. Сама крепость, построенная австрийцами, слишком уж декоративна, и тщательно подстриженные деревья вдоль

стен еще усиливают это впечатление. Но на открытой вольным ветрам площадке у обрыва нет ничего, кроме простой и строгой колонны, увенчанной статуей античного воина-победителя.

Что за дали открываются отсюда! Каскадами спускаются к Саве и Дунаю светло-серые, с пятнами зелени кварталы Белграда. Новый мост с обнаженной, без всяких украшений, конструкцией переброшен в заречную часть. Там над песчаной пустошью поднимаются серые утесы нескольких недостроенных зданий нового Белграда: город должен расширяться в ту сторону.

А правее Сава отдает воды Дунаю; в рамке темных лесов, совсем синих у горизонта, живет своей вечной жизнью могучая река, несущая на своих волнах корабли под флагами многих государств. Там алеют и родные вымпелы.

Уже в третий раз придя на знакомую площадку, я заметил вдруг на камне колонны воина-победителя полустертую временем надпись. Ее русские буквы оплыли, коричневая краска выцвела. «Проверено, мин нет», — прочел я.

Здесь был безвестный русский сапер.

Может, под огнем тех пушек и танков, которые ржавеют теперь экспонатами военного музея в Калемегдане, он падал в холодную липкую грязь осенних дорог Сербии, падал, чтобы подниматься и снова идти на Белград, куда шел весь 3-й Украинский фронт, куда шла Народно-освободительная армия Югославии.

И, наверное, безвестный наш сапер в октябре 1944 года брался на горящих белградских улицах с незнакомыми родными людьми. А потом вылавливал черные мины из Дуная, расчищая путь баржам с русским хлебом, которого ждал голодный Белград.

Этому неизвестному саперу не поставлено памятника. Может быть, он жив и работает сейчас на каком-нибудь архангельском заводе или в тамбовском колхозе. А может, он там, где пурпурные гвоздики рдеют среди белого мрамора плит: на братском кладбище воинов, сложивших головы за освобождение Белграда.

Это тихое кладбище. Под сенью плакучих ив

в белградской земле лежат рядом Славко и Иваны, Бранки и Маши. Так, наверное, мы и не узнаем никогда, откуда был родом похороненный на кладбище Мишка-танкист, и кем была Сидоровна: этими именами, или, вернее, фронтовыми прозвищами, вычеканенными теперь золотом на мраморе, завершены их земные пути. Вечная им слава!

Перед отъездом из Белграда я в последний раз пошел на обрыв Калемегдана. Был поздний вечер. Тихо шелестели платаны. Парк почти опустел. Погасли лампы холодноватого дневного света, и в полутьме я не мог уже различить знакомые русские буквы: «Проверено, мин нет».

Но надпись на колонне воина-победителя навсегда отчеканена в моей памяти. Я не раз вспоминал ее во время поездок по стране, вспоминаю и сейчас, перебирая эти вот листки из своего югославского блокнота, на которых читатель найдет лишь беглые зарисовки быта и нравов, далекие от обобщений и, естественно, не дающие широкой картины жизни сегодняшней Югославии во всей ее сложности и со всеми ее противоречиями.

В этой стране советскому человеку далеко не все понятно. Мои югославские друзья говорили, что им тоже не все понятно у нас.

Но что же из того? Ведь было, есть и, я верю, останется главное — зародившееся еще в далекие годы у наших прапрадедов взаимное дружелюбие, взаимное уважение двух наших народов.

И разве не об этих вековых традициях, скрепленных кровью в борьбе против общего врага, напоминает и надпись на камне?

Югославские друзья просили рассказывать о их стране и их жизни «без патоки», ошибочно принимаемой иногда за выражение дружественных чувств. Они советовали говорить не только о приятных вещах, потому что настоящая дружба — это требовательная дружба, не боящаяся товарищеских споров, товарищеской критики.

Я не мог не согласиться с ними и постарался воспользоваться их добрым советом.

В Белграде любят рассказывать о югославе, замешкавшемся у ворот рая, где он сердито требовал у апостола Петра свежий выпуск «Райских новостей».

Трудно представить себе белградца без газеты! И просыпаетесь вы в югославской столице ни свет ни заря от вопля, напоминающего призыв о помощи. Это продавцы газет в пять часов утра прочищают горло на перекрестках. Горло у них, наверное, не такое, как у других смертных. Испустив раздирающий душу крик, слышимый за два квартала, продавец газет не обрывает его, а затихает постепенно, как сирена, у которой перестали крутить ручку.

Выхватив у газетчика сырой лист, белградец ныряет в кафе или закусную, открытые задолго до рассвета. Тут он торопливо глотает газету, запивая новости крохотной чашкой черного кофе или стаканчиком некрепкой сливовой водки (она, как уверяют, убивает бакте-рий, скопившихся за ночь в желудке)...

Газеты в Белграде — на любой вкус. Не отходя от киоска, можно купить белградские «Борбу» и «Политику», московскую «Правду», лондонский «Таймс», боннские, нью-йоркские издания. Во время трагических событий в Венгрии вы могли увидеть снимок венгерского коммуниста, повешенного вниз головой, одновременно на страницах нескольких журналов, разложенных в витринах белградских киосков. Но в одних изданиях подписи под снимком гневно проклинали палачей, а в других — ликовали по поводу зверской расправы.

Если вы не умудрены в иностранных языках, то в американской или английской читальне (их огромные флаги развеваются над центральными улицами Белграда) вам совершенно бесплатно вручат ежедневные бюллетени, в которых на хорошем сербско-хорватском языке говорится примерно то, что на сей день находят желательным вбивать в головы пропагандисты «Голоса Америки», «Свободной Европы» и подобных им заведений.

Конечно, лишь немногие верят этой пропаганде. Но она рождает слухи, догадки, подчас вздорные и тем-

ные. К информации, почерпнутой из коммунистических газет, примешивается сенсационная дезинформация.

Но вот порция свежих новостей жадно проглочена и даже наспех обсуждена с соседом. Белградец спешит в цех, контору, на стройку. Часть заводов работает с шести утра; в семь запускается на полные обороты весь сложный механизм города. Так в Белграде, так и в других городах.

Облик Белграда сложен. Это многоликий город. Он очень стар. На стрелке Савы и Дуная люди жили четыре тысячи лет назад. Хозяева в городе менялись, наверное, десятки раз. Тут строили хижины горные кельты. Во времена Рима здесь стоял четвертый легион Флавия. Гунны Атиллы смели город с лица земли, и они были не последними из завоевателей, после которых надо было все строить вновь. За обладание Белградом дрались византийцы и венгры, австрийцы и турки. Янычары Сулеймана Великолепного вырезали горожан и построили в Белграде мечети. Так и шло: то взлет, то упадок; то обогащение от выгодной торговли, то полнейшее разорение и запустение.

Перед первой мировой войной один из путешественников нашел, что Белград можно пройти из конца в конец за двадцать минут и что похож этот город на село, «но с известным показным блеском, позаимствованным у парижских и венских бульваров»; он же отметил, что в Белграде на каждом шагу поражает «пестрое и скороспелое смешение различных эпох и культур, кипение и брожение в одном котле полутурецкого старья и привозных европейских новшеств».

От этого старого Белграда осталось немного. Победа народа омолодила город. Он сильно вырос и продолжает расти, освобождаясь от оставшихся еще с феодальных времен кривых узких улочек.

Этих улочек еще немало, и свежему человеку трудно ориентироваться в городе без плана. В киосках продают залежавшиеся старые планы Белграда, изданные еще десять лет назад. Но они иногда только путают приезжего. Некоторые новые улицы там не нанесены, часть старых улиц значится под названиями, которые потом были изменены. На устаревших планах вы най-

дете Московскую улицу, бульвар Красной Армии, улицу Маршала Толбухина (он командовал войсками фронта, помогавшего освободить Белград). Сейчас на этих улицах прибиты таблички с другими именами и названиями.

В центре города запах горячего асфальта щекочет ноздри прохожих, тут и там стучат камнетесы. В первые дни моей белградской жизни я чуть не вывихнул ногу на развороченной и перекопанной Дечанской улице. Несколько недель спустя она вливалась уже гладким асфальтом на площадь Маркса и Энгельса.

Эту площадь окружают высокие серые дома, строителей которых можно упрекнуть в чем угодно, кроме стремления к каким-либо излишествах в архитектуре.

Посередине площади предполагается установить памятник Марксу и Энгельсу. Но, как говорят белградские товарищи, идея памятника выражается абстрактно. Это будут два динамично рождающихся из общей арки обелиска, устремленных вверх. Обелиски как бы перевернуты: они сужаются к основанию.

Некоторые утверждают, что идея нового памятника станет поворотным пунктом в постройке и понимании памятников в Югославии вообще. Другие не согласны с ними и выражают сомнение в том, что такой памятник найдет живой отклик в сердце простого человека, не искушенного в абстрактном искусстве.

В Белграде немало красивых улиц и бульваров. Вас пленит общий светлый тон городских зданий, по-южному пышная зелень. В центре города — солнечные зайчики зеркальных витрин, шуршание машин по асфальту, роскошь гостиниц, где у входа прибиты похожие на гербы цветные эмалевые щиты с надписью о том, что этот отель рекомендован для приезжих не кем-нибудь, а самой англо-американской ассоциацией туристов.

Но вот вы чуть свернули в сторону от разрекомендованного отеля «Мажестик» — и посмотрите, как сомкнулись лавочки и мастерские ремесленников на Призренской улице, как старый Белград все смелее, заметнее теснит тут новостройки.

Я пытался заносить в записную книжку городские сценки, те трудноуловимые, иной раз третьестепенные

приметы города, которые добавляют какие-то штрихи к его очерченному многими путеводителями облику.

Вот, например:

«Прямо на улице состязания: кто дальше прыгнет. Парни и подростки прыгают с мостовой на асфальтовый тротуар, глухо и больно ударяясь пятками. Вокруг толпа азартных зрителей».

«В главном банке. Он совсем невелик, напоминает сберкассу в Москве на Кузнецком мосту. Шумно и грязновато. Молодой черноокий и черноволосый служащий одновременно занимается чеками, болтает с сотрудницей и что-то кричит, вразумляя просунувшуюся в соседнее окошко лохматую голову».

«В автобусах и троллейбусах полно; загончики с отполированными чугунными перильцами, где полагается покорно стоять в очереди на остановках, набиты плотней плотного».

«Необычные для города птицы: горлинки. Их много в здешних парках».

«Завтрак: юноша, сидя на мостовой, ест виноград с хлебом».

«Всюду на стенах домов, возле окон, пламенеют связки красного перца».

«Можно звонить и не из автомата, а из некоторых контор и лавок: там около телефона стоят картонные коробки с надписью: «2 динара». Хозяин тем самым окупает часть платы за телефон. Силен же ты, дух коммерции!»

«Чуть не на каждом перекрестке весы. Владельцы бьют на психологический эффект: «Ради контроля здоровья регулярно измеряйте вес. Точность! За 100 граммов неточных платим 500 динаров!» Конкурент обещает еще больше — тысячу! Почему бы не миллион?»

«...Много... как их назвать? Это скорее всего носильщики. На фуражках у них бляхи. Но они не носят багаж, а перевозят его на тележках с высокими колесами».

«Прямо к стволам деревьев прибиты объявления в черных траурных рамках. Такие же объявления на дверях некоторых домов: родственники извещают о смерти своего близкого».

«Великолепны белградские книжные магазины. Их много. Глаза разбегаются по ярким красочным обложкам. С удовольствием находишь дорогие имена: Горький, Маяковский, Есенин... Но этим томикам не всегда везет на соседей: из-за «Фомы Гордеева» выглядывает вдруг какая-то лиловая гангстерская рожа в полумаске».

...Больше всего мне нравился Белград в вечерние часы, когда трудовой люд высыпает на улицы, в парки, на бульвары. Люди принарядились; жители столицы, особенно молодежь, любят немножко пофрантить. Мне говорили, что белградская девушка скорее откажет себе в обеде, чем в какой-нибудь модной безделушке. Молодые люди носят узкие штаны и посему почти поголовно могут служить мишенью для некоторых наших карикатуристов, усматривающих в недостаточной, на их взгляд, ширине брюк чуть ли не главный признак легкомыслия их обладателя.

В каждом городе есть излюбленные места прогулок. В Белграде это улицы, примыкающие к Калемегдану. По вечерам пешеходы уже не стесняют здесь себя узкими полосками тротуаров. Автомашины безнадежно застревают в густой толпе гуляющих; потом регулировщики вообще запрещают им въезд на «шеталиште».

Это слово вряд ли нуждается в переводе.

В Любляне, центре Словении, традиционное «шеталиште» — Титова и Карделева улицы. Здесь гуляют чинно, редко собираясь группами на тротуарах; вежливые улыбки и приподнятые шляпы плавают в воздухе. В южном Сплите темпераментные далматинцы так шумят на обсаженной пальмами Титовой набережной, что испуганные чайки то и дело вспархивают с карнизов оставшегося от времен Рима Диоклетианова града. Гибкие моряки гуляют здесь, обняв девушек за плечи, и веселую песню мигом готовы подхватить сотни голов.

В Приморской Риеке набережная, напротив, почти пуста: здесь принято гулять вдоль Корсо, немного в стороне от моря. Приезжайте в Титоград, к черногорцам, — там для прогулок облюбована освещенная лам-

пами дневного света площадь перед великолепной гостиницей «Црна гора».

В Скопле, у македонцев, свои нравы. До шести часов горожане заполняют улицу маршала Тито. Гуляют парами, небольшими группами, как у нас в фойе театра. В шесть часов милиционер, регулирующий движение на центральной площади, покидает свой пост — и, словно по сигналу, гуляющие устремляются туда. Этот порядок почти не нарушается. Гуляют даже в дождь, и тогда площадь черна от зонтов. И так из вечера в вечер — знакомые лица, знакомые улыбки, знакомые шутки...

Шумно вечером в Белграде! Кафе выдвинули столики прямо на тротуары. Газетчики снова овладели перекрестками:

— Вечерние новости! Новости! Нов-о-о-о...

Человек двести собралось возле какого-то дома... Что такое? Скандал? Уличное происшествие? Нет, просто на балконе второго этажа синевато светится экранчик телевизора. Для Белграда это новинка. С телевизором что-то не ладится, изображение поплыло, замелькало, и толпа хохочет, свистит.

У стоек рестораничков-«экспрессов» прохожие торопливо, жадно уплетают сдобренную луком вареную фасоль, фаршированный перец, гуляш. Иные не прочь пропустить на ходу рюмку-другую крепкой, «лютой» сливовицы.

Возле касс кино — очереди. Вот реклама американского фильма «Красная подвязка»: крупным планом нога в красном чулке, обнаженная несколько выше подвязки, две руки, сжимающие револьверы чудовищного калибра. Другая афиша: ковбой набрасывает лассо на шею бегущего мужчины: фильм голливудский и называется «Молодчик из Оклахомы». Третья, четвертая афиши в том же духе. Впрочем, вот скромная реклама новых югославского и итальянского фильмов и нашей «Педагогической поэмы». А дальше опять ковбой, револьверы, томные и не очень одетые красавицы.

Половина десятого. Как сразу поредела толпа!

Десять. Посмотрите, словно валом смыло всех с асфальта — ведь завтра надо вставать до света.

Одиннадцать.

Ветер гонит по пустым улицам шуршащие листы брошенных газет. Покачиваясь и что-то бормоча, бредет запоздалый гуляка. Уже совсем немного огня в окнах, и они тоже гаснут один за другим. Спокойной ночи!

УЛИЦЫ В САРАЕВО

Объехав все шесть республик Югославии, я положительно не могу назвать в этой прекрасной стране хотя бы два внешне схожих больших города.

Мощные волны влияний Востока и Запада, издревле сталкивавшиеся на Балканах, отразились и в облике югославских городов. Здесь акведуки времен Рима подают воду к средневековым крепостным стенам; остренький, похожий на карандаш минарет мечети бойко выглядывает из-за католической церкви, к которой с одной стороны прислонился новый многоэтажный «облакодёр» из стекла и бетона, а с другой — осевший набок дом, построенный еще турецким феодалом. Добавьте к пестроте архитектуры поразительное разнообразие природных условий: час подъема по крутой дороге переносит путника от курортного великолепия и разомлевших туристов в горное селение, где ветры пахнут снегом, — и вы поймете, почему города Югославии не похожи друг на друга.

Но тем удивительнее подчиненность уличной жизни этих несхожих городов единому ритму, который равно чувствуется и в Белграде, и в маленьком Тетове — возле албанской границы, и в Сомборе — возле венгерской, и в Пуле — неподалеку от итальянской.

Улица — уголок народной жизни. С нее начинаем мы знакомство с каждым новым городом. Ее впечатления первыми откладываются в нашей памяти еще по дороге с вокзала в гостиницу, и она же провожает нас своими кварталами в час отъезда.

В быту югослава улица занимает особое место. Еще в давние годы путешественники отмечали приверженность лондонца к своему дому-крепости, парижанина — к кафе, белградца — к улице. Устойчивости этой традиции помогает в Югославии сравнительно мягкий кли-

мат; говорят, впрочем, что теснота перенаселенных квартир также способствует развитию полезной привычки к прогулкам.

Я рассказал уже кое-что об уличной жизни Белграда. Теперь пройдемтесь с вами в ранний час по центру города Сараево.

Этот город памятен многим по событиям 1914 года. Здесь молодой серб Гаврила Принцип застрелил наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. С «сараевского убийства», использованного германскими империалистами для нападения на Сербию, началась первая мировая война.

Теперь Сараево — большой город, центр Народной Республики Боснии и Герцеговины. Он как бы впитал в себя перемены, которые произошли в его округе. Тут был один из самых отсталых и самых «экзотических» районов страны, где на одного грамотного приходилось трое неграмотных, а на одну школу — несколько мечетей. Теперь республика развивает черную металлургию и строит гидростанции на своих горных реках, а ее центр гордится новым великолепным вокзалом, — говорят, красивейшим на Балканах, — университетом и новыми большими заводами.

Если вы выйдете на улицу Сараево в предрассветный час, то вас тотчас подхватит, заставит ускорить шаг, понесет поток рабочих, служащих, студентов.

Прислушайтесь, и вы различите часто повторяемые слова «предузече» (предприятие), «вышак» (прибыль), «раднички совет» (рабочий совет): трудовые люди живут интересами своих коллективов.

Рабочий день начался. Сразу перестали быть тесными тротуары. Гаснут огни реклам, зажженные было на улице маршала Тито, главной магистрали Сараево.

Приятно видеть, что на ней тут и там строятся новые дома. До чего же ловко управляютя каменщики с тяжелыми кирпичами! Одной рукой хватает из тачки, подбрасывает вверх, а там, на лесах, такой же ловкий, цепко ухватывает кирпич и перебрасывает третьему. Летающие кирпичи мелькают вдоль всего фасада. Толпу любопытных привлекает, однако, не это: люди

облепили забор вокруг еще одной стройки, где поднимается кран.

На фасадах строек — вывески: «Радник», «Конструктор», «Враница», опять «Радник». Это названия строительных предприятий. Их много, и каждое старается получить подряд повыгоднее. Заказчик, собираясь строить дом, объявляет нечто вроде торгов или аукциона. Предприятия-подрядчики предлагают свои проекты и свои цены, причем каждое, конечно, доказывает, что оно построит дешевле и лучше конкурента. Заказчику остается только выбирать.

Иду дальше и вспоминаю, как вчера на этом вот перекрестке мы разговаривали с журналистом Муратом Кустурицей. Друг Кустурица («друг» соответствует нашему «товарищ»), между прочим, спросил меня:

— А попрошайки у вас, в Советском Союзе, есть?

— Встречаются... — неохотно сознался я.

— То нехорошо, когда в социалистической стране есть попрошайки, — покачал головой друг Кустурица.

Я согласился с ним. Мы говорили еще о чем-то, но я заметил, что друг Кустурица плохо меня слушает и беспокойно смотрит на что-то за моей спиной. Я невольно оглянулся: к нам молча протягивал руку оборванный человек.

Мы с Муратом Кустурицей внимательно посмотрели друг на друга...

Ну что же, это очень тяжело и неприятно, когда есть нищие. Неприятно говорить и писать об этом. Но можно ли обижаться на правду? Немногого стоила бы такая хрупкая дружба, когда мы из боязни обидеть друг друга обменивались бы лишь взаимными комплиментами.

Но пойдём дальше по улице маршала Тито. Сколько тут лавок, книжных магазинов, кондитерских, часовых мастерских, парикмахерских! За зеркальными стеклами туристской конторы «Путника» маячат фигуры двух иностранцев в волосатых пальто с деревянными палочками вместо пуговиц. Их роскошная зализанно-обтекаемая машина небрежно поставлена чуть не поперек неширокой улицы. Отсюда они поедут, наверное, в ма-

газин сувениров «Босна», где продают разные чудесные вещицы из чеканной меди и нарядные кофточки. Вышивкой кофточек для магазина занимаются, в числе прочих, учительницы местной гимназии — это дает приработок.

Утром в магазинах немногочисленно. Скучающие продавцы греют руки у железных печек: Сараево лежит в горах, осень сюда приходит рано, и когда на Адриатике еще купаются, тут уже надо думать о пальто.

В полдень на магазинных дверях появятся замки: они будут висеть до четырех часов дня. Люди, возвращающиеся с работы, могут лишь через стекло обозревать товары.

Я сперва не мог понять, почему горожане так внимательно, вдумчиво разглядывают витрины закрытых лавок: ведь они видят все это каждый день, новые модели появляются не так уж часто. Но, оказывается, дело не в моделях, а в ярлычках.

Вон на ярлычке возле пары отличных башмаков написано: «4 800 динаров». В соседней витрине их близнецы стоят 4 750 динаров. Через квартал вы снова обозреваете знакомые башмаки, но вас огорчает цифра: «4 900». Башмаки одинаковые, цены разные: конкуренция! Завтра, может быть, именно здесь повесят плакат «распродажа», перечеркнут цифру «4 900» и напишут «4 725». Может быть...

Мне объяснили, что в стране «эластичная торговая политика». Торговые предприятия сами устанавливают цены на товары, сообразуясь с рынком. Торговля есть торговля, говорили мне, тут нужна эластичность, гибкость.

За этой-то «эластикой» покупатель и следит с вполне понятным интересом. Белградский журнал «Еж» напечатал даже забавную карикатуру, изображающую потасовку возле магазина, объявившего распродажу по сниженным ценам.

В Югославии частник почти вытеснен из торговли как посредник. Однако он свободно торгует тем, что производится в его кустарной мастерской. Частные кондитерские, пекарни, сапожные, портновские мастерские можно всюду увидеть, но особенно много их в старой, «экзотической» части Сараева, на площади Чаршия.

Возле этой площади — самая главная из семидесяти двух городских мечетей, которую «неверные» туристы тоже могут осматривать за умеренную плату. А сама площадь! Совсем лишним кажется здесь красный двухэтажный автобус, въехавший в царство ровесников конки — лавчонок, облепивших стенки мечетей, крохотных мастерских, «комиссионных» — попросту говоря, заведений старьевщиков, перепродающих разный хлам.

Впрочем, рядом вывеска с приметами XX века: «Электропекарь». Это скорее всего только реклама: электроэнергия дорога, и ее, несмотря на большое строительство гидростанций, все еще не хватает: даже в Белграде осенью 1956 года в некоторых районах пришлось вспомнить о свечах и керосине.

Но вот что забавно: сосед «электропекаря» решил переплюнуть конкурента и повесил вывеску: «Модерна пекара Стевана Кешича». Раз «модерна», то уж это нечто такое, что дальше ехать некуда!

Я захожу в мастерскую Сафета Пашевича. Сафет торгует сумками и ремнями, которые тут же выкраивает.

— А-а, — хитренько улыбается Сафет, — из Советского Союза? Там ведь у вас нет нашего брата?

— Есть, есть, — уверяю я.

— Нема, нема! — упрямо твердит он и добавляет назидательно и строго: — Надо, чтобы и у вас было больше льгот приватнику (частнику).

Оказывается, Сафет не так давно работал на фабрике. Почему ушел? Опять плутовская улыбка:

— Хотел уступить место другому, с биржи труда.

Экий славный малый, печется о безработных...

— Ну, а как с заработком?

— Там было девять тысяч динаров в месяц.

— А тут?

— Доста, доста (достаточно, хватает)! — хохочет Сафет.

Его сосед, старый Махмут Лазович, настроен не так весело. Он мастерит «нанулы» — нечто вроде сандалий на деревянной подошве. Ох, тяжело, тяжело! Надо платить мечети за эту вот конуру, а потом — налоги. Растут они, налоги, растут...

Все же доход старого Махмута Лазовича, судя по его словам, примерно в полтора раза выше заработка фабричного рабочего.

В узком переулочке ушам больно от перестука множества молоточков. Здесь из листовой меди делают на наковальнях кофейники, котлы, подносы, ибрики — кувшины для переноски воды на голове, — позолоченные мониста. Для исповедующих ислам ожерелья составляются из кружков с миниатюрными минаретиками, для православных — из кружков с изображением креста: мода приспособливается к вере...

— Умирает наше дело, — скорбит Ибрагим Башчаршович, — ибрики никто не покупает, медь дорога. Вся надежда на туристов.

А площадь шумит неумолчным прибоем. В харчевнях, где кухня составляет с залом одно целое, колдуют над котлами с адскими блюдами. По-моему, они готовятся из смеси черного и красного перца и предназначены для того, чтобы начисто сжигать слизистую оболочку. Но народ кругом здоровый, красивый, рослый и ест огнедышащие блюда с таким аппетитом и с таким смаком...

От четырех до восьми вечера открыты все магазины. К прилавкам не сразу протолкнешься, продавцы сбиваются с ног. Горят огни витрин. И на минаретах тоже зажглись огоньки. Муэдзин зовет правоверных на молитву, но радиола маленького ресторанчика перебивает его повизгиваниями «буги-вуги».

А кто-то открыл окно на улицу и в полутемной комнате поет старинную боснийскую песню — мелодичную, грустную, широкую, немного напоминающую, пожалуй, песни волжских татар.

НА ПРЕДПРИЯТИИ „ИВАН МИЛУТИНОВИЧ“

«По всему миру множество людей знает, что Югославия

страна храбрых партизан,
страна, в которой живет Тито,
страна рабочих советов...»

Эта не очень скромная цитата из недавно вышедшей в Белграде на русском языке книги показывает, какое место отводят наши югославские друзья своей системе управления предприятиями. Книга называется «Рабочие управляют фабриками» и имеет завлекательный подзаголовок: «Мечта, постепенно становящаяся действительностью». Написал ее Ашер Делеон.

Мне довелось в той или иной степени ознакомиться с рядом югославских предприятий, и, естественно, с некоторыми сторонами практической деятельности их рабочих советов. В частности, я бывал на белградском предприятии «Иван Милутинович» и на его производственных участках, разбросанных по стране.

* * *

Улица Караджорджева протянулась через приречный район Белграда. У входа в длинное, полубарачного типа здание вывеска: «Предприятие речных путей «Иван Милутинович». Здесь!

Я не без волнения открываю дверь. Мне предстоит присутствовать на совещании рабочего совета предприятия. Друзья из секретариата информации так торжественно сообщили мне об этой возможности, что их настроение невольно передалось мне.

Однако на совещание я попадаю не сразу: ждут, пока подъедут другие иностранные корреспонденты. В тесном кабинетике директора, где нет ни ковров, ни кожаных кресел, ни бессмысленно монументального чернильного прибора, мне тем временем рассказывают историю рабочих советов.

Они, говорит заместитель директора Боривое Томич, созданы в Югославии в 1950 году, когда особенно развернулась борьба с централизацией. Каждое предприятие получило большую самостоятельность. Были ликвидированы многие министерства.

При слове «министерство» Томич фыркает, остальные, собравшиеся в кабинете, хохочут, подмигивают друг другу. В чем дело? Оказывается, один из друзей Томича был недавно в Советском Союзе, обедал в ресторане и...

— Понимаете, он взял минеральной воды, — давится смехом Томич, — а на бутылочной этикетке написано: «Такое-то министерство». Будто министерство само делает минеральную воду! Бюрократическая формалистика!

Так вот, продолжает Томич, когда прошла децентрализация, тогда-то с вывесок предприятий сняли гербы, закрасили слова «государственный», «республиканское», «уездное», а на стены прибили мраморные доски, где золотыми буквами было написано, что предприятие передано на управление коллективу. Органом же этого управления и является рабочий совет.

Он избирается всем коллективом и обсуждает самые главные вопросы. Какие, например? Ну, скажем, он утверждает основные планы, вырабатывает правила предприятия, которые потом утверждаются в высших инстанциях, обсуждает инвестиционный план, занимается балансом. Сегодня можно увидеть, как это происходит.

По закону совет должен заседать не реже одного раза в полтора месяца. Менее важными вопросами, начиная от норм выработки, месячных оперативных планов и кончая предоставлением отпусков, занимается избираемый рабочим советом его исполнительный орган — правление, или, как его обычно называют, комитет управления. В этот комитет автоматически, по должности, входит и директор.

— За прошлый год, — говорят мне, — совет и его правление приняли около трех тысяч решений по разным вопросам.

Три тысячи! Я прикидываю: получается по 8,2 решения в день! Но неужели все это множество вопросов, среди которых, наверное, попадались и мелкие, нужно было непременно обсуждать на заседаниях?

— Ну, пожалуй, не обязательно все. Но таковы форма, порядок.

Между тем приехали шведский и румынский журналисты. Должен был еще явиться представитель французского католического журнальчика («Не беспокойтесь, вполне прогрессивного направления», — для чего-то сообщили мне), но ждать его не стали.

Нас провели в большую комнату, где рабочий совет, заседавший с раннего утра и уже обсудивший изменения в инвестиционном плане и тарифно-квалификационном справочнике, как раз должен был перейти к третьему пункту повестки дня — рассмотрению баланса предприятия за семь месяцев.

Вокруг длинного стола, покрытого зеленым сукном, сидели двадцать три человека. Комната была обставлена весьма скромно. В углу на постаменте стоял бюст Иосипа Броз Тито, а на стене под надписью «Живео друг Тито» — портрет тов. Тито в военно-морской форме. Стены украшали также цветные репродукции картин югославских художников.

Джордже Касич, председатель рабочего совета, металлист, член общинного комитета Союза коммунистов, продолжил совещание.

Началось продолжительное чтение баланса. Как это знает каждый из нас, ловить на слух десятки цифр и вникать в их смысл — дело нелегкое...

Чтение окончено. Желающих немедленно вступить в дискуссию по балансу не находится. Председатель объявляет:

— Слово имеет друг директор.

Директор Дмитрие Попович рассказал совету о договорах, заключенных им на будущее. Чтобы захватить работы на левом берегу Дравы, ему пришлось выдержать настоящий бой с конкурентом — загребской «Гидротехникой». Но на аукционе, или на торгах, где окончательно решался вопрос, кому сдать подряд, «Иван Милутинович» резко сбавил цену. Он предложил выполнить работы на целый миллион динаров дешевле, чем бралась «Гидротехника», и выбил конкурентов из седла.

Заметив движение среди членов совета, директор поспешил тут же добавить, что даже при этой скидке подряд вполне выгоден. Ну, затем порт в Прахове: работы там остались за предприятием без аукциона, поскольку оно несколько лет назад уже начинало их. А вот насчет строительства новых причалов Белградского порта сторговаться с заказчиком так и не удалось: он

предлагает за работу слишком мало, и предприятию это невыгодно.

В заключение директор сказал, что, по его мнению, предприятие может выполнить годовой план к 29 ноября — Дню республики.

Говорил он живо, образно, весело. Энергия в нем была через край. Окончив речь, он присел на край стула, готовый каждую секунду вскочить, вставить слово, бросить шутку.

Председатель рабочего совета Джордже Касич, напротив, выступил несколько сдержанно, сухогато. Он выразил надежду, что все будут иметь в виду желательность выполнения плана ко Дню республики.

Снова взял слово директор. Для успеха дела, сказал он, решено... Нет, еще не решено, но если совет одобрит, то на те участки, где непогода мешает работе, будет отправлено вспомогательное оборудование, кое-какая одежда.

После этого наступила продолжительная пауза, хорошо знакомая и нам, грешным, по опыту не самых удачных собраний...

— Вот тут есть представитель строительства «Дунай — Тисса — Дунай», может, он хочет выступить? — в голосе председателя прозвучала надежда.

Начальник строительства канала молодой инженер Борисав Филиппович встал — ростом он оказался под потолок — и пожаловался, что часть землеройных машин не оправдывает себя на тяжелых грунтах, давая двадцать кубометров в час вместо ста двадцати. Он предложил не брать новых работ, пока предприятие не закупит хорошие механизмы и не освоит по-настоящему те, которые имеет.

— Активнее, другове, активнее! — призвал председатель. — Баланс — вещь серьезная.

Откликнулся друг Сторбец, который в предельно краткой речи попросил, чтобы строителям плотины на Врбасе поскорее прислали резиновые сапоги: от дождей там все раскисло.

Директор не без горячности возразил ему, что на всех сапог не напасешься. Разве не в Врбасе какие-то растяпы утопили четыре пары резиновых сапог?

Затем высказался председатель комитета управления Любомир Янкович, отметивший, что за последнее время предприятие улучшило работу и, видимо, окончит год с прибылью.

Последним выступил друг Морич, предложивший известить об итогах выполнения плана весь коллектив.

На этом обсуждение баланса предприятия за семь месяцев закончилось.

Гораздо оживленнее обсуждались вопросы в «разном», при утверждении решений комитета управления. Зашел спор о том, стоит ли посылать инженеров в Советский Союз, Италию и Чехословакию для того, чтобы они ознакомились там с новыми методами гидротехнических работ. В принципе никто не возражал против посылки, но выражались опасения, что это обойдется слишком дорого. Директор успокоил спорщиков: возможно, поездки состоятся на основе взаимного обмена и не отразятся на прибылях предприятия.

В заключение совет после дискуссии утвердил несколько премий и наград инженерам, старейшему рабочему и председателю рабочего совета.

Когда все кончилось и корреспонденты фотографировались вместе с членами рабочего совета и директором, я спросил у Джордже Касича, удовлетворен ли он сегодняшним заседанием.

— Разумеется, многим пока еще трудно разбираться в балансе или инвестициях, но мы организуем курсы изучения экономики, — неопределенно сказал председатель рабочего совета. — В нашей практике еще имеются отдельные недостатки...

— Может быть, кое-что носит пока несколько формальный характер?

Но с этим Джордже Касич не согласился.

* * *

Когда я вернулся из Югославии, один знакомый спросил меня:

— Правда, что там на заводах рабочие сами себе выбирают директора, а если один не понравился, прогоняют и берут себе другого?

Я показал ему последние югославские бюллетени, в которых учтены и действующие законы и сложившаяся практика. Вот что там написано:

«Директора предприятия назначает общинный народный комитет».

«Рабочий совет предприятия не имеет права сменять директора».

Правда, в комиссии общинного народного комитета (он примерно соответствует нашему районному Совету), которая по конкурсу отбирает подходящих директоров из числа желающих занять этот пост, треть составляют представители рабочего совета предприятия. Они могут отстаивать свое мнение.

Дмитрие Попович на предприятии «Иван Милутинович» работает уже несколько лет. До этого он был заместителем министра, ведающего речным флотом и речными путями Югославии. Когда министерство ликвидировали, как говорит Попович, «за полнейшей ненужностью», он стал директором и чувствует себя здесь на своем настоящем месте.

Мы говорим о взаимоотношениях директора и рабочего совета. Друг Попович полон энтузиазма. О, он вполне доволен рабочим советом! Рабочий совет, не вмешиваясь в оперативное руководство, в то же время берет на себя основную долю ответственности за все дела. А разве может директор не быть благодарным комитету управления за то, что он занимается, например, и такой неприятной штукой, как рассмотрение всяческих жалоб, могущих служить поводом для конфликтов внутри коллектива?

— Ну, а если совет будет недоволен вашей работой?

Видимо, друг директор не допускает такой мысли. Но если бы рабочий совет и попросил о смещении директора, а комиссия при народном комитете не нашла бы для этого веских оснований, то директора оставили бы на месте. При этом народный комитет может распустить рабочий совет и назначить новые выборы. Если же и новый совет займет ту же линию, то директора, наконец, сменят.

Не слишком ли урезаны права директора на предприятии? Нет, друг Попович этого не находит. Он ру-

ководит всей производственной и коммерческой деятельностью предприятия, нанимает и увольняет работников, целиком отвечает за дисциплину на предприятии. Наконец в законе прямо сказано: «Рабочие и служащие за свою работу на предприятии несут ответственность перед директором».

— Но тем не менее главное всех на заводе — это коллектив и его органы самоуправления, — горячо уверяет друг директор. — Коллектив распоряжается всем-всем!

Мы расстаемся друзьями, и Дмитрие Попович советует мне побывать на каком-нибудь производственном участке предприятия «Иван Милутинович», — ну, хотя бы на трассе канала Дунай — Тисса — Дунай.

Я охотно согласился. Но обстоятельства сложились так, что воспользоваться приглашением мне удалось лишь месяц спустя.

ДУНАЙ — ТИССА — ДУНАЙ

Дунай — Тисса — Дунай...

Так именуется трасса нового канала, который считают крупнейшей гидротехнической стройкой страны. На некоторых картах он уже заранее нанесен жирным пунктиром, пересекающим Воеводину — ту часть народной республики Сербии, которая расположена к северу от синей извилистой линии Дуная.

Впервые я увидел Воеводину, главную житницу страны, с самолета, летевшего из Будапешта в Белград. Это равнина, распаханная от края до края. Только серые пыльные дороги да квадратики хуторских дворов остались здесь не тронутыми плугом. Может, она и походила бы сверху на нашу украинскую степь, если бы не так густо заштриховали ее бесчисленные межи полей частных хозяев.

Реки, пересекающие Воеводину, немислимо петляют, и оттого еще заметнее ответвляющиеся от них прямые линеечки старых оросительных каналов. Равнина безлесна. Только вдоль Тиссы, которая несет с севера свои воды к Дунаю, жмутся рощи.

Я пролетал над этими краями в сентябре, когда хлеба были уже сжаты и поля казались буровато-серыми. Но кое-где по соседству с ними зеленели пятна застоявшихся болот.

Вот по этой-то равнине мы с заместителем директора предприятия «Иван Милутинович» Боривое Томичем и отправились на трассу канала. Дело было к зиме, дул холодный резкий ветер, но здоровяк Томич находил погоду бодрящей и упрямо не застегивал пальто.

По дороге он рассказал мне о наводнениях, которые издревле мешали земледельцам Воеводини.

Тут, на этой плоской равнине, есть где разлиться и Дунаю и Тиссе. Чтобы хоть как-нибудь оградить себя от беды, сербы понастроили вдоль этих рек целую систему дамб. Они протянулись почти на тысячу двести километров. Мало того, тут прокопаны еще тысячи километров каналов для отвода воды и построены десятки насосных станций. Но дамбы и каналы устарели, насосные станции слишком маломощны.

— Это вчерашний день, — говорит Томич, — это старые заплатки, которыми не прикроешь дыр. А вот канал Дунай — Тисса — Дунай задуман как универсальная система. Мы защитим от наводнений миллион двести тысяч гектаров, а по соседству оросим триста шестьдесят тысяч гектаров. Неплохо, правда?

Томич дружески подмигивает мне. Все радует его: и ветер и быстрая езда по отличной дороге. Встречных машин почти нет, но то и дело попадаются пароконные дроги с соломой и кукурузой. Селяки (крестьяне) в высоких овчинных шапках, с каленными ветром красными лицами важничают на козлах. Это зажиточные «инициативные хозяева», у которых и кони на подбор, в масть, и бричка покрашена, и на хомутах горят начищенные медные бляхи.

По мосту пересекаем Дунай возле города Нови Сада. Дунай здесь неширок, но быстр и мало похож на ту несколько ленивую мутную реку, которую мы знаем в низовьях, у впадения в Черное море.

Чем ближе к венгерской границе, тем чаще встречаются села, где рядом с сербами крестьянствуют венг-

ры. Венгров в Югославии полмиллиона; живут они большей частью в Воеводине.

Мы остановились ненадолго у свиноводческой фермы. Ферма поставлена хорошо, дает немалый доход. Работают на ней главным образом венгры. Свиляр Иштван Бонго очень подробно стал рассказывать, как он, Иштван, выращивает таких поросят, каких не сыщешь ни у кого из окрестных сельяков.

Подошли его дочери: старшая — Божика и младшая — Гизелла. Они тоже свилярки. Иштван рассказал, что раньше у него не было земли, а теперь он встает на ноги, купил маленький участок возле дома, завел пчел, приобрел по случаю даже старенький радиоприемник. Жить можно! Вот только с дочками плохо: негде учить. Народ разбросан по хуторам, до средней школы далеко. Девчата окончили, правда, три класса, но какое же это образование? И другие с этим же мучаются.

— У вас ведь завтра большой праздник, седьмое ноября, — сказал Иштван вдогонку, когда мы уже распрощались, и добавил смеясь: — Кланяйтесь русским невестам!

Обернувшись для ответной шутки, я тут только заметил на моем собеседнике потрепанную русскую шинель. Откуда? Партизанил вместе с русскими?

Нет, сказал Бонго после недолгой заминки, совсем наоборот: воевал против русских. Потом попал в плен. Жил под Воронежем; очень там красивые девушки. А вернулся из России в 1948 году.

И он снова протянул руку для прощания.

Мы встретились с Иштваном Бонго в ноябре 1956 года, в те тревожные дни, когда по ту сторону близкой границы, в соседней Венгрии, еще шла жестокая борьба с контрреволюционерами. Бонго, возможно, слушал своим стареньким радиоприемником и поджигательские вопли станции «Свободная Европа» и дикие выдумки о действиях частей Советской Армии в Венгрии.

Я не стал больше ни о чем спрашивать Иштвана Бонго: крепость рукопожатия красноречивее слов. Этот человек пришел в нашу страну как враг и кончил вой-

ну пленником. Когда диктатор Хорти посылал его на восток, фашистские газеты тоже призывали расправиться с коммунизмом и тоже расписывали зверства нашей армии. У Иштвана Бонго было время, чтобы многое увидеть в нашей стране своими глазами и многое понять. Он узнал истинную цену фашистской пропаганды и истинные цели фашистских пропагандистов слишком хорошо для того, чтобы теперь поверить этим господам. Сама жизнь научила этого безземельного в прошлом крестьянина разбираться на будущее, где его друзья и где враги...

Ночевали мы с Томичем в маленьком городке Сомборе. Гостиницу тут не отапливали; в ресторанчике при ней на стенах висели объявления: «На пол не плевать; за умышленное битье стаканов — штраф 100 динаров».

Утром мы отправились к венгерской границе, на головной участок строительства.

— Не думайте, пожалуйста, что наш канал — это какой-то гигант, — предупредил меня Томич. — Инженер Никола Марков и специалисты по технической помощи из Организации Объединенных Наций ломали голову над тем, как бы все сделать подешевле и таким образом, чтобы стройка по возможности самоокупалась до ее окончания. Вы понимаете меня?

Я признался, что не очень понимаю.

— Будем сдавать канал по участкам, — пояснил Томич. — Проложили трассу на столько-то километров — сейчас же строим от нее оросительную или осушительную сеть. А это прибавка урожая. Она должна быстро окупить затраты на постройку мелиоративных каналов. Мы все подсчитали, даже то, что скот, который можно прокормить на улучшенных землях, позволит, так сказать, естественным путем удобрять каждые четыре года всю орошаемую поверхность.

Пока Томич, сердясь на толчки, чертил мне довольно сложную схему канала, машина проскочила маленький пограничный городок Бездан, и вскоре за стеной камышей сверкнула одна из протоков Дуная.

Мы оказались у начала прорытого около ста пятидесяти лет назад канала, который назывался раньше

Великим, а теперь называется каналом маршала Тито. С расчистки его русла, которое решено частично использовать для трассы Дунай — Тисса — Дунай, и начинается дело.

Любопытно, что еще в 1844 году англичане построили на старом канале плотину, ловко выговорив себе получение доходов от нее в течение ста лет. И что вы думаете? Действительно, почти сто лет аккуратно, копейка в копейку, получали прибыль!

Сейчас по каналу маршала Тито, изрядно засоренному и заросшему, еле проползают небольшие баржи с дровами, сахарной свеклой, камышом. Но после расчистки он должен стать вполне судоходным.

С берегового холма я увидел небольшой землесосный снаряд. Трубы пульпопровода тянулись от него к дунайской протоке. На север через границу отвечивалось русло узкого осушительного канала. За деревьями виднелись крыши венгерского селения. К берегу приткнулась небольшая брандвахта — плавучее жилище строителей.

Томич знакомит меня с руководителем работ Лазаром Стоилковичем. Ему двадцать четыре года. По образованию он техник. Но диплом ему дали не сразу. Три года после окончания техникума Стоилкович поработал «приправником» (нечто вроде техника-практиканта) и только после этого получил право сдавать государственный экзамен.

Я спрашиваю, хорош ли землесос? Да, жаловаться не приходится. Корпус югославский, моторы английские. Производительность? Большая — шестьдесят кубометров в час! (Мне невольно вспомнились наши сталинградские землесосы, дающие тысячу кубометров в час.) На этом участке трассы, немного подальше, работает еще один такой же землесос, а третий... увы, его не успели вывести во время спада воды, и он, к сожалению, обсох на мели.

Цель работ на этом участке — перекрыть рукав Дуная, чтобы вся вода уходила в русло канала. Землесос намывает плотину до уровня воды, а дальше действуют землекопы. Оказывается, на земляных работах в Югославии работает особенно много венгров.

— Это прирожденные землекопы, мастера высшего класса, — восхищается Томич. — Вы знаете, когда в деревне отец-венгр хочет похвалить новорожденного сына, он подбрасывает его и приговаривает: «Добар кубикаш!» («Хороший кубометр!») Посмотрите, как славно у них идет дело!

Вереница лошадок, запряженных в таратайки, размеренно кружилась по плотине, которой закрывали протоку. Изредка слышались крики конюхов. Землекопы в самом деле действовали лопатами с удивительной быстротой и точностью. Миг — и земля, высыпанная из таратайки, уже разровнена по плотине.

Я сосчитал: в артели венгров было двенадцать конюхов и четырнадцать землекопов. Томич покосился на меня и сказал:

— Это, конечно, только начало работ. Со временем у нас будет сто экскаваторов и восемьдесят бульдозеров. Мы намечаем закупить их в Советском Союзе и Италии.

Ветер все усиливался, и мы пошли обогреться на брандвахту. Работники участка жили в небольших каютах, с двухъярусными койками, по шесть человек в каждой. Одна каютка заменяла столовую. Ну что ж, в тесноте, да не в обиде!

По привычке я спросил, кто на этом участке считается лучшим работником, передовиком производства.

— Все работают хорошо, — ответил Стоилкович, и Томич одобрительно кивнул ему головой.

— Но ведь есть же такие, которые особенно выделяются?

— А-а... Вы думаете, это как у вас при соревновании? У нас все одинаковы, — упрямо повторил Стоилкович.

Томич добавил:

— У нас ведь теперь нет социалистического соревнования.

В полдень мы добрались до основного участка строительства. На протяжении почти пятидесяти километров канал маршала Тито был уже расчищен. Вдоль него высился вал вязкой грязи и тины, вычерпанных со дна.

На главном участке работало семь экскаваторов и один бульдозер. Емкость ковшей землеройных машин колебалась от четверти кубометра до одного кубометра, и я подумал, что все они, вместе взятые, наполнили бы не больше половины ковша работавшего на Волго-Доне «большого шагающего».

Да, начало скромное. Однако у строителей впереди много времени для того, чтобы развернуться: канал собирались прорывать двадцать лет, и хотя теперь этот срок сокращен вдвое, особенного напряжения на трассе не предвидится.

Тут, на главном участке, мы встретили старого знакомого — инженера Бориса Филипповича, начальника работ на трассе канала. Великан после первых приветствий и рукопожатий нетерпеливо повернулся к Томичу:

— Ну, он все еще сердится?

Томич махнул рукой:

— Ничего, отойдет...

Речь, как мне пояснили, шла о споре на рабочем совете. Совет распределял прибыль. Одни предлагали на «вышак» сто процентов, другие, в том числе директор, — восемьдесят. Директор оказался в меньшинстве, и это, естественно, не улучшило его настроения...

Но чтобы читатель понял, о чем спорили на рабочем совете, придется распротиться с трассой канала Дунай — Тисса — Дунай и отвлечься далеко в сторону.

ПРИБЫЛИ И УБЫТКИ

Когда я впервые попал на предприятие «Иван Милутинович» и спросил, кому оно подчиняется, друг директор тотчас схватил листок бумаги и изобразил на нем, что к чему.

Рядом с квадратиком «Ивана Милутиновича» выстроились квадратики других самостоятельных предприятий, занятых землечерпанием, перевозкой пассажиров и прочими работами на реках. Карандаш соединил все квадратики с кружком, вокруг которого директор написал: «Удружене» (объединение).

Потом появились кружки морских, автомобильных, железнодорожных удружений. А уже от всех этих кружков ниточки сошлись к «коморе» — палате. Получилась в общем довольно длинная цепочка. Но ведь еще, сверх того, есть комитеты по делам народного хозяйства, по делам хозяйственных организаций...

Я намекнул другу директору, что все это, пожалуй, чем-то напоминает ступеньки централизованного аппарата.

— Нет, нет! — замахал он руками. — Удружения, коморы — только для координации, для увязки, для согласования!

Друг директор не стал чертить от «Ивана Милутиновича» линии связи с местными органами власти, но и без того было ясно, что они не могут оставаться безучастными к тому, как работает предприятие.

А должно оно работать прежде всего с прибылью. Тут строго! Например, если установлено, что не получена та прибыль, которая объективно могла бы быть получена, то это по закону считается уважительной причиной для предложения о снятии директора с его поста.

Финансируют «Ивана Милутиновича» те организации, которые заинтересованы в какой-либо работе на речных путях. Если условия выгодны, «Иван Милутинович» заключает договоры, не выгодны — может отказать, это его дело.

Но за выгодой, за прибылью гонятся и другие сходные предприятия. И здесь бывает всякое. Никак нельзя засчитать, например, в актив действующей в стране системы конкуренцию между собой югославских предприятий на иностранном рынке, продававших там товары ниже себестоимости и покрывавших убытки вздутием цен внутри страны за счет югославских рабочих, крестьян, служащих.

А взяточничество, темные махинации ради погони за барышом! Обо всем этом говорилось не так давно на пленуме Союзного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии. Тогда же было отмечено и такое поразительное явление, что «спекуляцией и повышением цен занимаются не только отдельные спе-

кулянты, но главным образом люди, работающие в социалистическом секторе».

Это происходит, несмотря на существование рабочих советов, и на промышленных и в торговых предприятиях. Более того, в последних действуют еще советы покупателей. И все-таки спекуляция!

Трудно, разумеется, допустить мысль, что рабочие советы потворствовали ей. Видимо, при сложившихся в Югославии конкретных экономических отношениях, при соблазнах свободного рынка рабочие советы не представляют собой достаточной реальной силы, не имеют фактически такой власти, которая позволила бы им всегда успешно бороться с противосоциалистическими влияниями.

Прибыль... Ведь ее можно добиться не только улучшением производства, снижением себестоимости, повышением производительности труда (которая, как известно, в Югославии до последнего времени почти не росла по сравнению с довоенным 1939 годом, а в ряде отраслей еще снизилась в 1956 году). Предприятие «Оптика» в городе Нови Сад получило огромную прибыль, перепродавая купленные за границей очки по утроенной цене. И от этой спекуляции, увы, кое-какие суммы перепали каждому члену коллектива, от директора до уборщицы.

Самое печальное, пожалуй, здесь то, что формально как будто ничего незаконного в этом дележе не было.

В книге Ашера Делеона «Рабочие управляют фабриками», о которой я уже упоминал, говорится, что, поскольку в Югославии человек не только трудится на предприятии, но и управляет им, он уже больше не является наемным рабочим. То, что он зарабатывает, «это результат и личного труда и хозяйственного успеха предприятия на рынке»; размеры платы работникам зависят от полученного дохода и размеров остающейся им прибыли.

Какая же часть прибыли им остается?

Мне объясняли примерно так. Половина сразу отчисляется как союзный налог на прибыль. Из остатка делаются вычеты во всевозможные установленные

В югославской столице много зелени и красивых зданий.

Во время войны город Подгорица был почти сметен с лица земли. Теперь на месте развалин — Титоград, новая столица Черногории.

*Ибрагим Башчаршевич, «приватник» из Сараево, — владелец
небольшой мастерской и лавочки.*

законом фонды предприятия, уплачиваются взносы в погашение кредита и т. д. Остаток остатка делится между предприятиями и народным комитетом общины. Из этой своей части, которая, естественно, не так уж велика, предприятие делает разные капиталовложения в производство, покупает машины, образует фонды здравоохранения, жилищного строительства, удовлетворения культурных и коммунальных потребностей.

И только после всего этого дело, наконец, приближается к «вышаку».

Из того, что осталось, выплачиваются различные премии. Единой системы премирования на югославских предприятиях нет. Я сошлюсь для примера на систему, существующую на заводе «Лек» в Любляне. По словам председателя комитета управления этого предприятия Еже Законьшека, премии у них обычно получают:

за перевыполнение плана предприятия в целом — директор, технический директор, шефы (начальники) цехов, шеф снабжения;

за выгодную реализацию продукции — шеф коммерционалистов, шефы продажи и экспорта;

за интенсивность использования оборудования — шефы цехов;

за снижение себестоимости продукции — шефы цехов, бригадиры, а также контролеры, предотвратившие выход бракованных изделий;

за повышение продуктивности — директор, технический директор, шефы цехов, аналитики (организаторы) производства;

за повышение рентабельности — директор, шефы коммерционалистов, шефы технического, финансового и других отделов;

за ускорение оборачиваемости средств — директор, финансовые работники, шеф снабжения, шеф продажи.

И в заключение, после выплаты премий руководящим работникам и особо отличившимся рабочим, самый последний остаток может быть распределен между всеми членами коллектива пропорционально их заработку. Естественно, что чем больше оклад или зарабо-

ток работника, тем больше «вышака» приходится на его долю.

Ашер Делеон приводит примеры сознательности югославских рабочих, которые «в условиях низкого жизненного уровня и множества неисполненных желаний и нужд» с полным пониманием дела спорят об употреблении прибылей и ради проведения водопровода или расширения предприятия готовы отказаться от части своих личных доходов.

Но на предприятии «Иван Милутинович» решили вопрос в пользу выплаты «вышака». Спор на рабочем совете возник по поводу того, распределять ли в этом году сумму, равную ста процентам месячного оклада, или же урезать ее ради увеличения резерва.

— Решили все же выдать месячный оклад, — сказал Томич. — Ведь сейчас к зиме у каждого столько дыр в бюджете, всякий динар на счету.

Томич добавил, что в прошлом году «вышак» у них составил половину месячного оклада. Может быть, и в этом году не стоило бы делить так много. Резерв — великая вещь.

Я очень хорошо понимаю своего собеседника. Мне приходилось бывать в Югославии на предприятиях, где «вышак» поднимался до суммы полуторамесячного заработка за год. Но я знаю и немало таких, где в конце года, страхуя себя, не распределяли ни динара, хотя у предприятия и была небольшая прибыль.

Дело в том, что на югославских предприятиях рабочие, если можно так выразиться, участвуют не только в прибылях, но и в убытках.

Как только предприятие становится убыточным, его рабочие получают от шестидесяти до восьмидесяти процентов обычного заработка.

При этом делаются попытки подвести теоретическую базу: они не наемные рабочие, они управляют своим предприятием. Раз нет прибыли — значит, сами виноваты, плохо управляют. И не столь существенно, что, допустим, все рабочие такого предприятия лично выполняли нормы, а беда нагрянула из-за недостатка сырья, перебоев с электроэнергией или из-за творческой неудачи заводского шефа коммерции на рынке...

Я снова сошлюсь на книгу «Рабочие управляют фабриками», где говорится о случае менее тяжелом, чем невыполнение плана всем предприятием: «...зарплата больше не зависит только от личного, но и от коллективного труда. На практике это значит, что отдельный рабочий, лучше работающий в этом месяце, чем в предыдущем, может получить и меньший заработок, поскольку предприятие в целом работало хуже, поскольку в его организации были пропуски (видимо, промахи? — Г. К.), и оно плохо реализовало свою продукцию».

Не слишком ли тут много гадательного, неустойчивого? Работал лучше — заработал... меньше! Может, будет «вышак», может, придется довольствоваться обычным заработком, а может, и его урежут на сорок процентов... Почему урежут? Не потому, что ты не заслужил личным трудом права на дополнительную оплату («вышак» не падает с неба, это, в сущности, часть заработка, но доплачиваемая к концу года), а возможно, даже потому, что твою продукцию из-за конкуренции не удалось выгодно продать!

Много все же странного для советского человека в сегодняшней Югославии!

Я, например, никак не мог понять, почему не только на трассе канала, но и на многих предприятиях говорят о социалистическом соревновании как о чем-то ненужном, лишнем:

— Да, оно было и у нас, но отмерло. Не привилось. Заменено более важными, более жизненными стимулами...

Слушая все это, невольно думаешь: не объясняются ли частично отдельные нездоровые явления на югославских предприятиях «отмиранием» некоторых норм, связанных с понятием социалистического отношения к труду?

* * *

В одном из селений возле Пулы, — если не ошибаюсь, в Раше — я видел на стене здания памятную доску с надписью о том, что основная мысль Маркса: фабрики — рабочим, земля — крестьянам — осуще-

ствлена югославами первыми в мире. Октябрь 1917 года авторами надписи, очевидно, не принимался во внимание...

При оценке значения своих рабочих советов некоторые югославские деятели склонны забывать о всех других формах участия трудящихся социалистических стран в управлении производством. В то же время они приписывают органам рабочего управления чудодейственную универсальность. Ашер Делеон, например, уверяет, что подобные органы — «новый элемент социализма в несоциалистических странах», одновременно дающий работодателям и капиталистическому государству возможность смягчить «общественные противоречия» и улучшить «социальный климат». Если к этому добавить его утверждение, что на капиталистических предприятиях фабричные комитеты создаются отнюдь «не по чьему-то капризу и не в чьих-то интересах», а что они «в определенный момент исторического развития стали неминуемыми и неизбежными», то нетрудно понять, каково у сторонников подобной точки зрения представление о классовой борьбе...

В конце книги Делеон, назвав опыт своей «насыщенной внутренней силой и самоуверенностью» страны очень ценным, призывает: «Новые исследования следует внимательно изучить. Над приобретенным опытом следует задуматься!»

Что верно, то верно: безусловно, следует задуматься!

„ИЕРКО ИВАНЧИЧ“, ТРУДОВАЯ ЗАДРУГА

Вдоль коридора второго этажа старого каменного дома — двери с учрежденческими табличками: «Директор», «Канцелярия». В канцелярии, где резко стучит машинка, стены украшены зелеными нарядными дипломами. Их шесть; каждый в рамке, из которой свисает на шнурах массивная сургучная печать.

Дипломы свидетельствуют, что трудовая задруга «Иерко Иванчич», в канцелярии которой мы находимся, считается одним из лучших хозяйств Народной Республики Хорватии.

Анте Безич, сотрудник редакции газеты «Свободная Далмация», еще по дороге много рассказывал о задруге. Безич влюблен в свою профессию и свою Далмацию. Он знает здесь всех и всё. На улицах с ним здороваются каждый третий прохожий, и этого третьего Безич безошибочно может назвать по имени.

От друга Безича я узнал, что Иерко Иванчич был народным героем, а задруга, носящая его имя, принадлежит к высшему типу, к трудовым земледельческим кооперативам. Есть еще общие кооперативы, но это уж совсем другое, там главным образом сбыт и снабжение.

Задруга «Иерко Иванчич», по словам Безича, показывает пример всем окрестным крестьянам, как надо разумно, выгодно и по-социалистически вести хозяйство. Конечно, в степях Воеводины задруги больше, мощнее. Но для горного побережья Далмации типичнее эта задруга, выращивающая для городов ранние овощи и фрукты. Жаль, — добавил Безич, — что директор задруги Петар Шегвич сегодня уезжает по делам в Загреб. Этот человек многое видел. Он был деятелем крестьянского движения еще в старой Югославии, а недавно ездил в Советский Союз, где знакомился с колхозами.

В канцелярии нас встречает толстый молодой человек в лазоревом пиджаке и штанах синее неба над Адриатикой. Его черные волосы взъерошены, из-под очков в мощной роговой оправе блестят живые, лукавые глаза. Он и Безич хлопают друг друга по плечу, выбивая пыль из пиджаков. Потом черноволосый исчезает, бросая на ходу:

— Сейчас все будет!

Я вопросительно смотрю на Безича.

— Этот человек? О, в задруге он... — Друг Безич выразительно кладет руку на то место, где полагается быть сердцу. — Понимаете? А прозвали его «черным генералом».

Тем временем молодой человек возвращается в комнату. Он слышит последние слова Безича и приветливо сверкает золотыми зубами.

Через минуту действительно появляется все: кофе,

отчеты задруги за прошлый год, баланс, план земельных угодий и, наконец, старый драндулет, чихающий мотором под окном.

Но кто же все-таки «черный генерал»? Какую должность занимает этот маг и волшебник? Оказывается, он коммерционалист.

Директор задруги, коммерционалист... Это звучит непривычно. А где же правление, председатель?

Все в порядке — в задруге есть и председатель и выборное правление из семи человек. Но закон о земледельческих кооперативах требует, чтобы в них было обеспечено квалифицированное руководство ведением хозяйства. Может быть, считается, что правлению, избранному из самих же крестьян, это почему-то не под силу. Во всяком случае, законом прямо предусмотрено, что сельскохозяйственный кооператив должен иметь директора или управляющего, назначаемого правлением и ответственного перед ним.

Директор, а также коммерческий работник, счетовод, секретарь могут быть членами задруги, могут и не быть — это как им заблагорассудится.

Пока я записываю разные данные о задруге, «черный генерал» лохматит пятерней волосы и нетерпеливо поглядывает за окно: пора ехать.

Мы втискиваемся в ветхую машину, гордо именуемую такси, и, стреляя мотором, в облаках синей гари выскакиваем на дорогу.

Она идет вдоль залива. Известняковые скалы тут и там поднимаются посреди полей и виноградников. Бесконечные заборы из обломков камня огораживают клочки земли. Над всем этим белеет акведук, «сработанный еще рабами Рима» и до сих пор питающий горной водой жителей приморского города. В тени возле него — рваные брезентовые палатки, шатры и телеги цыганского табора. Лохматые псы лениво облаивают наш драндулет. «Черный генерал» неодобрительно косится на проворных цыганят и что-то бормочет.

Но где же начинаются земли задруги? А нигде не начинаются! Они вкраплены одинокими островками в эту мешанину скал, заборов, хуторов.

Вот один из задружных виноградников. Андреа Репанич, которому он поручен, ласково гладит узловатой старческой рукой аметистовые гроздья. Что за виноград уродился — с одной лозы можно наполнить большую плетеную корзинку! Междурядья тоже не пустуют: там посажена капуста.

На соседнем пригорке задружный огород. Здесь снимают в году по три урожая: сначала зимний салат-кристалл, потом капусту и салат-индивию.

— А я, — замечает «черный генерал», — снимаю на своем личном участке по пять урожаев в год.

Мы передвигаемся с одного клочка земли на другой. Сколько труда вложено здесь членами задруги! Нельзя не преклоняться перед упорством далматинцев, заставивших родить, кажется, даже камни. И как любовно, как тщательно все возделано — и на виноградниках, и в огородах, и в садах!

Остро и пряно запахло гвоздикой: мы добрались до одной из цветочных плантаций задруги. Высокий худощавый бригадир Лукас Фране сказал «черному генералу», что в субботу с плантации сняли шесть тысяч гвоздик. Тот спросил, в те ли города отправлены цветы, в которые намечалось, тут же молниеносно перемножил штуки на динары, прикинул дорожные расходы и удовлетворенно затряс черной гривой: «То дóбро, дóбро!»

Подошли еще задругарцы, завязалась беседа.

— Наш председатель правления работает, как все, поливает капусту, — повернулся ко мне Фране. — А как у вас в колхозах?

— А на каком участке поливает капусту ваш друг директор? — спросил я, в свою очередь.

Фране усмехнулся:

— Ну, директор... А все равно начальников у вас больше. У нас бригадир работает лопатой вместе со всеми и ничего не получает за бригадирство. То есть получает две тысячи динаров в месяц, но это за сверхурочную канцелярскую работу. А у вас...

Для начала приходится выслушать несколько ключих замечаний о наших колхозных делах, главным образом на ту же тему: об одном с сошкой и семерых

с ложкой. Кое-что мои собеседники явно преувеличивают; и снова я слышу знакомые нравоучительные нотки...

Потом Лукас Фране, секретарь задружной партийной организации, рассказывает об «Иерко Иванчиче». В задруге пятьдесят два коммуниста, немало бывших партизан. Когда три года назад многие задруги распались вовсе*, из «Иерко Иванчича» не ушел ни один человек.

— Иногда любят говорить, — тут в спокойном голосе Фране появляются нотки злости и раздражения, — как, мол, вести задружное хозяйство, если земля не собрана в один кусок, если мало машин? Подождем, мол, потерпим, пока получим по трактору на брата, тогда и объединимся. А вот в «Иерко Иванчиче» восемьдесят восемь гектаров земли разбросаны клочками на площади в двадцать квадратных километров. Есть в задруге всего два небольших трактора; тягла — девять лошадей да один ишак, — а все же задруга живет и даже дипломы получает. Люди, их воля и желание, коллективный дух, дисциплина — вот что главное.

Все согласны с Фране, все кивают головами. Потом один из задругарцев, между прочим, замечает, что в советских колхозах лодырям и прогульщикам живет вольготнее, чем в их задруге. Есть, конечно, и среди задругарцев «забушанты» — ловчи́лы, но им нельзя укрыться за «минимум трудовой».

Я прошу разъяснить, что он имеет в виду.

— Очень просто. У нас всякий задругарец должен ежедневно работать десять часов. Когда нужно, то и двенадцать. Зимой работаем меньше, но все равно каждый рабочий день. В субботу кончаем на два часа раньше, в воскресенье отдыхаем. Как на фабрике — и никаких «минимумов».

— А если кто не выйдет на работу?

— Не выйдет? — вскипает «черный генерал». — А три хиляды динаров штрафа? Три тысячи!

* Как известно, в 1953 году в Югославии произошло расформирование большинства трудовых кооперативов; впоследствии было признано, что нередко расформировывались и те кооперативы, которые имели условия для развития.

Строительство системы Дунай — Тисса — Дунай началось с расчистки старого, запущенного канала.

Павица Видович, сезонница далматинской задруги «Нерко Иванчич».

Женщины в Хорватии часто носят поклажу на голове — это высвобождает руки.

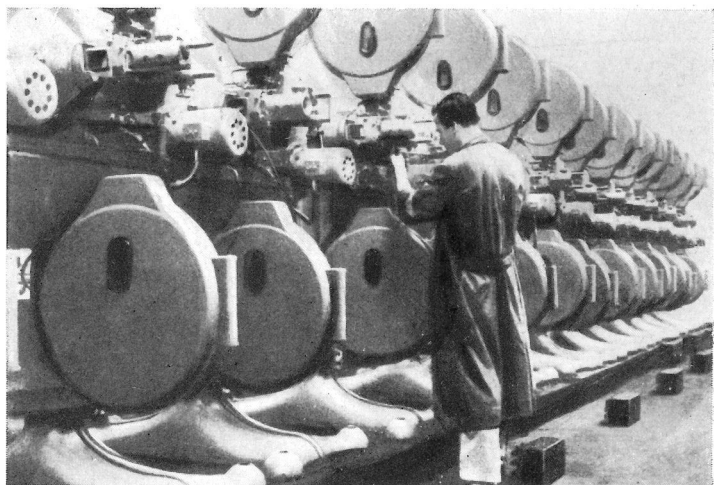
Не простое это дело — выбрать хорошее веретено! Македонские крестьянки окружили торговку на базаре в Скопле.

Как важно вышагивает этот «инициативный хозяин», приехавший по делам в город!

На полях Воеводины.

Завод «Искра» в Кране выпускает хорошую киноаппаратуру.

Это большие деньги. Вспоминают, что Янус Мате прогулял денек, а потом месяц чесал затылок...

Однако с предварительного разрешения можно не выйти на работу по уважительной причине: например, когда парень женится.

— Или когда утакмица, — добавляет кто-то.

Утакмица — футбольный матч. Югославы вообще отчаянные болельщики, а тут еще кто-то из бывших селяков играет в сплитском «Хайдуке», ну, и в день матча поля с обеда пустеют... Но это с разрешения, по договоренности, с отработкой; если же прогулял самовольно — три хиляды, три хиляды!

Кстати, в задруге вообще все расчеты ведутся на деньги. Дело коммерционалиста — продать цветы или овощи повыгоднее, а задругарцы получают заработанное только в динарах.

Но всегда ли можно тут применять слово «заработанное»? Доход задругарца слагается не только из того, что он заработал своими руками. В Югославии земля свободно продается и покупается. Вступая в задругу, крестьянин остается собственником, землевладельцем. Задруга только пользуется его землей и платит ему за это деньги. Чем больше земли, тем больше денег.

Допустим, безземельный бедняк работает не покладая рук на земле, принадлежащей другому, более зажиточному члену задруги. Тот, напротив, трудится без особого жара. Но вот оба стоят у кассы: второму отсчитывают куда больше динаров, чем первому. Выходит, каждому не только по труду, но и по земельным угодьям...

На одной из задружных плантаций встречаем девушку в старой красной кофточке. Руки у нее по локоть в глине, а на лице мелкие капли пота.

— Давно ли в задруге?

Павица Видович отрицательно мотает головой.

— А, недавно...

Снова отрицательное покачивание головой.

— Она совсем не в задруге, — «черный генерал» галантно вручает девушке кустик гвоздики и одновременно несколько оттесняет ее. — Это наша сезонница.

Задруга, оказывается, нанимает немало безземельных и малоземельных крестьян. Некоторые нанимаются на сезон, другие — помесечно, третьим платят почасно. Есть сезонники, работающие в задруге по два-три года подряд на закрепленных участках.

— Так почему бы сезонникам не вступить в задругу?

Мои собеседники пожимают плечами: не все хотят, а главное — далеко не всех принимают.

— А вы, Павица, как насчет задруги? — спрашиваю я.

Павица застенчиво улыбается. Но не успевает она открыть рот, как у «черного генерала» уже готов ответ:

— Когда выйдет замуж, тогда посоветуется с мужем.

Сезонники, проработавшие меньше полугодом, получают только прямую плату за свой труд. В распределении тех прибылей, которые подсчитываются в конце года и дополнительно делятся между членами задруги, они не участвуют. Но не значит ли это, что между задругарцами распределяется какая-то доля того, что заработано трудом наемных рабочих?

Мне довелось ознакомиться с многими участками задруги «Иерко Иванчич», побывать на ее складах, на задружном винодельческом заводе. Тут было немало интересного и поучительного в смысле рациональной постановки дела.

Как-то позднее я поделился своими впечатлениями с одним местным работником. Да, подтвердил он, это хорошая задруга, там умеют хозяйствовать. А слышал ли историю с капустой? Они ведь здесь почти монополисты по этой культуре: у них много воды для полива. И вот как-то выдалось дождливое лето, капуста уродилась повсюду. Тогда задруга оставила половину кочанов гнить на корню, чтобы не сбить цены на рынке.

— Эластично действуют! — заключил мой собеседник.

Мне невольно вспомнились хитрущие глаза «черного генерала»...

Не берусь определенно судить, в какой мере отношения внутри дипломированного трудового кооператива «Иерко Иванчич» можно считать типичными: я был лишь в немногих задругах, и у меня мало наблюдений для сравнения.

Знакомясь позже со статистическими данными по Югославии в целом, я нашел вот какие цифры о развитии трудовых кооперативов после 1953 года: в 1954 году их было 896, и объединяли они 116 тысяч крестьян, к концу 1955 года их стало 704, и осталось в них всего 77 тысяч членов. Более поздних данных в бюллетене за октябрь 1956 года не было.

Югославская печать, говоря о «крупном шаге», сделанном в течение последних лет в развитии трудовых кооперативов, подчеркивает обычно не количественные, а качественные сдвиги. Я прочел, например: «...Мы освободили производственные кооперативы от разных искусственных стимулов и политических формул, а включили их в нормальную экономическую жизнь и поставили их на здоровый экономический расчет».

Экономический расчет, несомненно, поднял и укрепил хозяйство задруги «Иерко Иванчич». Доход членов этой задруги, как мне говорили, выше доходов середняков-единоличников, выше заработка квалифицированного рабочего и государственного чиновника. Но вот что меня несколько смутило: процветающая, передовая, дипломированная задруга «Иерко Иванчич» выросла с 1953 по 1955 год на... два хозяйства.

В нынешнем году трое задругарцев ушли на пенсию, и после этого принято четверо. Хотя все четверо несколько лет работали сезонниками и известны в задруге всем и каждому, для них установлен «приприемный» стаж.

Мне подумалось: не проявляются ли иной раз в «здоровом экономическом расчете» элементы эгоизма, мешающие задруге оказывать более глубокое влияние на окружающую жизнь? Ведь рядом с ее ста тринадцатью хозяйствами только в окрестностях Спли-

та по-прежнему трудятся на своих клочках семь тысяч крестьян-единоличников.

Не слишком ли замкнулась освобожденная от «политических формул» задруга в своем экономически благополучном маленьком мирке?

В МАКЕДОНСКОМ СЕЛЕ

Югославские статистические сборники и бюллетени сообщают, что в стране насчитывалось 6 172 общих земледельческих кооператива-задруги, объединяющих 1 172 034 хозяйства. Земли же для организации собственного передового производства у всех этих кооперативов числилось всего 148 тысяч гектаров. Значит, в общественном пользовании каждого кооператива находилось в среднем по 24 гектара.

Эта цифра показалась мне странной. Ведь тогда получалось, что зажиточный единоличник по своим земельным владениям не так уж сильно уступает задруге общего типа. Закон разрешает ему быть собственником десяти гектаров земли. Однако югославские газеты пишут о том, как изворотливый «инициативный хозяин» (нередко это один из псевдонимов кулака) расширяет свои владения, скажем, прикупая еще десяток гектаров земли на старшего сына, для вида выделившегося из хозяйства, а то и просто прибегая к тайной аренде. У иного такого хозяина и трактор и батраки...

Побывать самому в земледельческом кооперативе или задруге общего типа мне довелось в Народной Республике Македонии.

Ее северные районы несколько напоминают нашу Среднюю Азию: пирамидальные тополя, журчание воды в оросительных канавах, ишаки, бредущие в белевой легчайшей пыли.

В Македонии я впервые в жизни увидел, как пашут самодельной деревянной сохой. Пара черных буйволов волокла ее, и она с трудом раздирала сухую землю.

Глупо было бы ахать и охать по этому поводу. Македонию до 1912 года давило турецкое иго, с ве-

ковой отсталостью при всех усилиях народной власти тут нельзя покончить так быстро, как хотелось бы.

И македонское село Теарце, куда мы приехали, мало походило на зажиточные красивые села Словении или Сербии. Острый минарет мечети и восточная кривизна улиц напоминали о прошлом. Тут было немало старых домов: внизу — хлев, сверху — жилье. Теперь держать скот в домах запрещено; часть нижних помещений пустует, а кое-где пробиты окна.

Среди новых сельских зданий лучшими, бесспорно, были двухэтажная школа и монументальный дом задруги «Три води».

Кстати, о самом понятии «задруга». У нас часто говорят: «Задруга? Ну, это вроде колхоза». Однако вы найдете это слово во многих книгах доколхозных времен, потому что задруга в первоначальном понятии — древняя семейная община сербов.

В Сербии мне рассказывали о задругах, созданных еще в годы королевской власти и отмечавших недавно свои юбилеи. Наконец в югославских городах мне приходилось видеть многочисленные «бриячко-стрижальные» и сапожные задруги. Таким образом, понятие «задруга» и весьма почтенное по возрасту и весьма емкое по содержанию.

Задруга «Три води» («Три источника») принадлежит, как я уже упоминал, к общим земледельческим кооперативам, самым распространенным в стране и заметно отличающимся от трудовых задруг.

Иногда эти кооперативы сравнивают с известным нам товариществом по совместной обработке земли — первичной формой коллективного хозяйства. Но это не совсем правильно. В товариществах обобществлялось землепользование, а на время полевых работ объединялись труд и средства производства.

В задругах общего типа этих признаков может и не быть. Я бы сказал, что название «земледельческий кооператив» нередко не столько выражает основной характер его деятельности, сколько отражает то обстоятельство, что в нем объединились именно земледельцы, а не кто-либо другой. Объединиться же они могут и для того, чтобы выгоднее продавать собранное на

своей земле, и выгоднее покупать то, что им нужно в своем личном хозяйстве.

Задруга «Три води» дважды меняла устав: сначала была снабженческо-сбытовой, потом реорганизовалась в высший тип — в трудовую задругу, а в 1953 году вернулась на исходные позиции.

С историей задруги меня знакомит ее управляющий Мито Серафимовски.

Мы сидим в просторной комнате. Она обставлена мебелью городского типа. За стеклом шкафа — тома «Служебного листа», в котором публикуются законы и распоряжения. На маленьком столике — телефон. Ни планов земельных наделов, ни дипломов сельскохозяйственных выставок, ни даже барометра — ничего, что напоминало бы о труде на земле. Больше всего комната похожа на контору небольшого торгового предприятия, каких я уже видел немало.

Задруга объединяет сто двадцать хозяйств. А сколько земли? Управляющий по привычке щелкает костяшками счетов: четыре гектара получено из государственного земельного фонда, двадцать и пять десятых гектара дали в пользование задругарцы, получающие за это ренту; итого двадцать четыре и пять десятых гектара.

Как раз средняя цифра, заинтересовавшая меня при перелистывании статистического сборника! Я говорю об этом управляющему. Но он считает, что средних цифр тут выводить вообще не стоит: разве я не знаю, что почти две трети сельскохозяйственных кооперативов общего типа вообще не имеют никаких своих земельных участков и не занимаются коллективным сельским хозяйством?

— Но чем же они, в таком случае, занимаются?

— Снабжение, скупка продукции, услуги при обработке крестьянских участков...

Задруга, говорит управляющий, не стесняет инициативы своих членов. Хочешь — покупай товары или удобрение на задружном складе, хочешь — поезжай в город, выбирай там. Собрал урожай на своей земле — можешь продать задруге, можешь погрузить на ишака и везти на базар.

Но базар — дело гадательное, задруге все же продавать надежнее. Почему? Ну вот, скажем, фасоль. Допустим, задруга покупает ее у сельяков по шестьдесят динаров кило, а на базаре, говорят, дают по семьдесят. Но пока сельяк собрался в город на рынок, там, глядишь, цена упала до пятидесяти динаров...

Задруга же, если ей удалось продать по семидесяти динаров, девять динаров оставит себе на расширение хозяйства, а один доплатит к тем шестидесяти, которые член задруги получил сразу.

— Ну, а вдруг ей самой придется продавать по пятьдесят?

— Загубим на фасоли, возьмем свое на яблоках. Как-нибудь сбалансируем. Дело торговое! — смеется управляющий.

— Сколько же земли в частном владении у членов задруги?

— Гектаров двести с лишним, — неуверенно говорит управляющий.

— Нет, пожалуй, наберется до трехсот, — уточняет председатель правления задруги.

Странно, что они не знают точно. Но управляющий поясняет: машины задруга дает ведь не только членам кооператива. Правда, землю задругарцев обрабатывают в первую очередь и несколько дешевле.

Задруга имеет три трактора, две молотилки, триер, разбрасыватель удобрений; автомашину пока арендуют, но надеются купить свою. Что еще есть в общественном хозяйстве? Сто восемьдесят овец, четыреста кур, пять свиней, четыре вола, один конь, одна телега...

Записываю все это и недоумеваю: машин мало, животноводство такое, что опять-таки несколько «инициативных хозяев» вполне могут тягаться с задругой. Откуда же тогда слава одного из лучших среди восьмидесяти сельскохозяйственных кооперативов Тетовского союза задруг?

Мои собеседники переглядываются. Потом управляющий терпеливо объясняет:

— Конечно, главная цель задруги — привязать к себе, к общественным средствам производства единоличников, не затрагивая при этом их собственниче-

ских отношений к земле. Мы считаем своей задачей также повышение культуры земледелия, улучшение качества семян и так далее. Но пракса...

«Пракса» — это практика.

— ...но пракса показала более широкие возможности ведения хозяйства. У задруги имеется кое-что еще, кроме тракторов и молотилок...

Мы поднимаемся и выходим на улицу.

— Вот, — показывает управляющий, — и вон!

«Вот» — это деревенское кафе «Три води» с подачей горячительных напитков, а «вон» — это расположенная чуть подальше лавочка «Три води», торгующая восточными сладостями.

Идем по улице. Опять вывески «Три води»: буфет, магазин.

— Это еще не все, — управляющий загибает пальцы: — зеленая лавка, лесопилка, столярная мастерская, склад...

— Пекарня, — подсказывают ему.

— А ресторан в Тетово? Забыли?

Тетово — ближайший город. Широко размахнулась задруга! Но сам характер этого размаха не помогает мне понять, почему о задругах подобного типа в Югославии говорят чуть ли не как об основной форме социалистического преобразования сельского хозяйства. Ресторан, безусловно, нужное «угостительское» заведение, восточные сладости вкусны и питательны, но хорошо ли, что из пятидесяти трех человек, которым задруга платит жалованье, в ее общественном сельском хозяйстве заняты только тринадцать, включая сторожей?

Своими мыслями я делюсь с председателем правления задруги Божином Брешковским:

— Ну вот вы, как крестьянин...

Но председатель несколько смущенно перебивает меня:

— Я ведь не совсем крестьянин. Вернее, у меня есть земля, однако сам я...

— Друг Брешковский работает в коммунальном хозяйстве, в общине, — вставляет управляющий. — Но, разумеется, это не имеет никакого значения.

Уголок Сплита. Статуя работы скульптора Ивана Мештровича изображает епископа, прославившегося в истории югославской церкви.

В порту Риека. «Пролетерка» — один из лучших морских пассажирских пароходов Югославии.

Это Сплит, город на Адриатике.

Выясняется, что председатель правления задруги имеет три гектара земли; половиной пользуется задруга, половину обрабатывает семья. Что касается управляющего, то он по профессии счетный работник и служил раньше в задружном союзе, который, кстати сказать, содержится за счет самих земледельческих кооперативов.

Разговор переходит на главное — о влиянии задруги на преобразование деревни.

Нет сомнения, что в отсталой македонской деревне с задругой связаны прежде всего важные перемены в быту. Через задругу легче было ломать сохранявшийся долгие годы чуть ли не полуфеодальный уклад. Именно с задругой македонский крестьянин справедливо связывает замену в своем доме очага печью, появление кровати — раньше спали на полу.

Мои собеседники говорили и о той несомненной пользе, которую задруга принесла развитию товарооборота. Задруга снабжает своих членов нужными товарами, открывает свои мастерские, молочные заводы. Она оказывает всевозможные услуги членам кооператива и единоличникам, помогая своими машинами обрабатывать их землю, продает им удобрения, хорошие семена. Наконец у нее есть свое собственное сельскохозяйственное производство.

Так мы вернулись к двадцати четырем и пяти десяткам гектара земли, ставшей наравне с рестораном и лавкой восточных сладостей источником дополнительного дохода для членов задруги, и к тем сотням гектаров, на которых члены задруги по-прежнему хозяйствуют индивидуально, всяк сам по себе...

Начав со статистики, я хотел бы и кончить статистикой. Она в какой-то мере дает ответ на вопрос о роли общих земледельческих кооперативов в югославском народном хозяйстве. «Информационный бюллетень», изданный в Белграде в конце 1956 года, привел данные о валовом доходе этих кооперативов за 1954 год, которые, видимо, в основном отражают и сегодняшние закономерности. Вот структура этого дохода (в округленных цифрах):

Торговля — 45 процентов.

Угостительство — 10 процентов.

Промышленность, переработка и ремесленничество — 22 процента.

Остальная деятельность — 14 процентов.

Сельскохозяйственное производство — 9 процентов.

Вдумавшись в эти цифры, можно понять наших югославских друзей, когда они говорят о «специфических трудностях» социалистического преобразования сельского хозяйства страны.

КОММУНА КРАНЬ

— Если вы хотите узнать, как практически осуществляется социалистическое влияние города на деревню, поезжайте в Крань.

— Если вы хотите видеть образцовую коммуну, поезжайте в Крань.

Так советовали мои югославские друзья в Любляне, столице Словении. Я поехал.

Народная Республика Словения давно и далеко опередила некоторые республики Югославии и в экономике и в культуре. Около двух третей дохода она получает от хорошо развитой промышленности. Города здесь отменно чисты и прибраны, дороги великолепны, пейзажи так и просятся в рамку. На улицах вас никто не заденет локтем; почти каждый горожанин понимает по-немецки.

Город Крань занял оба берега веселой горной реки. Над красными черепичными крышами сверкают высокогорные снега: до Юлийских Альп отсюда рукой подать. В узком ущелье средневековой улицы чинно, не обгоняя друг друга, катят велосипедисты. Бронзовый Франц Прешерн, великий поэт Словении, смотрит на них с невысокого пьедестала. Прешерн жил в этом городе и похоронен на скромном старом кладбище, превращенном в парк.

Винко Хафнер, председатель районного народного комитета Краня, показывает мне город и знакомит с особенностями югославской системы коммунального самоуправления.

Что такое коммуна, или, как ее чаще называют, община?

Система коммун совсем молода, ее ввели в 1955 году. Коммуна, говорит Хафнер, — это первичная политико-территориальная организация самоуправления и первичное общественно-экономическое сообщество жителей. Пожалуй, в Советском Союзе в известной мере с ней схож небольшой район. Коммуны созданы в городах и сельской местности для того, чтобы привлечь как можно больше граждан к управлению.

Обычно коммуны имеют от пяти до десяти тысяч жителей. Следующая ступень — район. Он объединяет несколько коммун. В Краньском районе, например, их одиннадцать.

— Вам, наверное, говорили, что у нас в Кране идеальная комбинация промышленности и сельского хозяйства, — продолжает Хафнер. — Судите сами: три пятых жителей заняты на заводах и в учреждениях, одна пятая — ремесленники, торговцы и люди свободных профессий, одна пятая — крестьяне.

Почему мой собеседник считает такое соотношение идеальным?

— Ну, дорогой друг, это так ясно: город у нас пересиливает деревню. А это чего-нибудь да стоит!

Хафнер развивает свою мысль. В Югославии теперь немало новых промышленных предприятий. Кто работает на них? В большинстве вчерашние крестьяне: ведь королевская Югославия почти не имела индустрии, кадры пришлось ковать заново. В крестьянстве есть капиталистические тенденции, и новые рабочие приносят собственнический дух на фабрику. Это серьезная проблема там, где крестьянская стихия преобладает!

В Кране — другое дело. Тут главенствует индустрия, рабочий дух. Он все сильнее проникает в деревню. По статистике в коммуне пять тысяч крестьян. Но если считать только настоящих земледельцев, имеющих более пяти гектаров земли на хозяйство, то таких наберется едва две тысячи. Треть жителей деревни уже работает одновременно на фабриках, а многие совсем бросают крестьянствовать и продают землю.

— Разве она кормит у вас хуже, чем в других республиках?

— Что вы! Напротив! В Словении самое прибыльное крестьянское хозяйство. Мы продаем картофель всей стране, у нас коровы дают по тысяче семьсот — тысяче восемьсот литров молока в год. Правда, это только на пастбищах возле гор.

Надой не кажется мне особенно высоким, и я вскользь говорю об этом Хафнеру. Но он напоминает мне, что по ряду показателей сельское хозяйство Югославии все еще не достигло уровня довоенного 1939 года, что стране не хватает, например, много зерна и что в этом году урожай еще ниже прошлогоднего. Поэтому тысяча восемьсот литров — это очень неплохо.

— Так вот, — возвращается затем Хафнер к прежней теме, — я говорил о крестьянах, занятых в индустрии. Посмотрите, сколько велосипедистов на пригородных дорогах после рабочего дня! И как они торопятся! Ведь надо успеть еще и на свое поле, помочь жене пахать или сеять.

— Но в чем же все-таки выражается социалистическое влияние города на деревню?

— Такие рабочие, о которых я только что говорил, приносят в деревню более высокую культуру. Они способны хорошо разбираться в любых сельскохозяйственных машинах. Вообще все элементы, приносимые в село из города, имеют нечто социалистическое. Наконец дух коллективизма...

— Значит, в общине много сельскохозяйственных кооперативов?

— Как вам сказать... Есть, конечно, но все снабженческо-сбытовые. Раньше было больше, однако, как вы, конечно, знаете, часть из них расформировали. Дело в том, что для коллективных форм не оказалось ни идеологической, ни материальной базы: разобщенность участков, слабый парк машин...

Вот кого бы должен был агитировать бригадир Лукас Фране из далматинской задруги «Иерко Иванчич», вот кому он мог бы повторить свои доводы о духе и желании, о том, что дело не в лоскутности участков, не в недостатке тракторов!

— Теперь на тех же площадях инициативные крестьяне, хозяйствуя индивидуально, дают больше продукции, чем давали некоторые задруги. Но, конечно, в дальнейшем нужно добиваться, чтобы крестьяне постепенно, медленно включались в процесс кооперирования. У нас ведь в этом смысле богатая традиция.

Выясняется, что некоторые сельскохозяйственные кооперативы в Словении существуют... с прошлого века. Созданы они зажиточными крестьянами для выгодного сбыта продукции и закупки машин еще в годы австрийского господства и в общем благополучно выдержали все превратности судьбы, все потрясения, обрушивавшиеся за последние полвека на Словению.

Разговор незаметно сворачивает на исторические темы. Крань — город древний. Зданию, которое занимает районный комитет и комитет коммуны, более пятисот лет. Я почтительно оглядываю низкие своды, деревянную резьбу, покрытую темным лаком. Интересно, что помещалось здесь прежде?

— То же, что и теперь, — улыбается Хафнер. — Тут находился центр, управление общины Крань.

И здесь традиция, преемственность...

Хафнер, продолжая историческую экскурсию, рассказывает, что перед войной Крань был буржуазно-мещанским городом. Конечно, кое-кто из его жителей остался недоволен переменами, происшедшими в новой Югославии.

— А где Фоцк? — неожиданно перебивает переводчик, помогавший время от времени нашей беседе. — Скажите, где эта старая лиса?

Переводчик до войны жил в Кране и многих помнит. А уж кто не знал тут Фоцка: богач, крупный домовладелец, капиталист, имел свою фабрику мыла.

— Фоцк? — переспрашивает Хафнер. — Он, если не ошибаюсь, работал в торговле. Кажется, недавно умер. А родственники его все в торговле.

Но теперь торговля в Кране занимает третьестепенное место: на первое вышла промышленность. Город начал индустриализироваться с 1921 года, еще при короле. Сейчас в нем большой завод «Искра», пять текстильных фабрик — они не новые, но сильно рекон-

струированы, — каучуковый завод и несколько предприятий поменьше.

— Итак, — как бы подводит итог главной темы беседы Хафнер, — в нашей коммуне в основном обеспечено влияние высокого уровня индустриального производства на повышение все еще низкого уровня сельского хозяйства. Но, конечно, собственническая психология кое-где дает себя знать. Вот вам пример, но, имейте в виду, не типичный. Человек трудится на фабрике, он хороший производственник, его выбирают в члены рабочего совета, он управляет социалистическим предприятием. Но в то же время в пригородной деревне он владелец земли, которую не всегда в состоянии обработать только своими руками. Может быть, ему приходится даже прибегать к... Гм! Ну, к помощи посторонних людей. Понимаете? Он получает также доход от собственного леса: правда, за последнее время мы установили высокий налог, чтобы уменьшить вырубку. В общем... Вы понимаете? У него как бы раздвоение психологии. Вот откуда к нам на фабрики проникают, я бы сказал, пережитки капиталистических тенденций. И не только на фабрики.

Мой собеседник говорит, что сначала местные бюджеты слишком уж непосредственно зависели от прибылей предприятий, расположенных на территории коммун. Ну, и тут иногда случалось, что местные власти сквозь пальцы смотрели на то, каким путем получена прибыль.

В коммуне Крань в этом смысле ничего противозаконного не было, но деньги и ей очень и очень нужны, например на постройку школ. Хотя коммуна считается одним из культурнейших уголков Югославии, однако на каждого ученика в Кране, говорит Хафнер, приходится все же вдвое меньше кубатуры школьного здания, чем в большинстве стран Западной Европы.

Я еще долго беседовал с Винко Хафнером, говорил и с другими работниками коммуны Крань, побывал на самом крупном ее предприятии — заводе «Искра», выпускающем телефонные аппараты и кинодемонстрационные установки. И все же у меня осталось немало неясных вопросов, и среди них — один, главный: поче-

му югославские друзья твердят, что их коммуна — самый удобный механизм общественного управления?

Во главе коммуны стоит выборный народный комитет. Но выборность народной власти осуществлена, как известно, не только в Югославии и притом много раньше, чем в Югославии.

При комитете работают различные комиссии, к участию в которых привлекаются жители коммуны. Но ведь и это не новость в демократической практике, не какая-то специфическая особенность народных комитетов югославских коммун.

Может быть, органы власти коммун имеют больше прав, больше самостоятельности, чем схожие с ними органы в других странах, например в Румынии?

Моих наблюдений для какого-либо вывода здесь недостаточно, и я позволю себе сослаться на известное выступление Эдварда Карделя:

«В последние годы мы сделали важные шаги в направлении создания рабочих советов, коммун и других демократических форм общественного управления. Однако за последнее время мы остановились в развитии этих органов. Можно даже сказать, что почти в течение двух последних лет различными экономическими и другими постановлениями в такой мере ограничивалась самостоятельная деятельность рабочих советов и коммун, что она в некоторых вопросах была сведена до недопустимого минимума (например, в системе заработной платы), и это наше вмешательство имеет кое-где тенденцию прямого превращения в административно-бюрократические методы руководства».

Он же говорил и о том, что в настоящее время коммуны почти по всем сколько-нибудь значительным вопросам обязаны запрашивать согласие районов, а те, в свою очередь, — согласие республик...

ИЗБРАННИКИ И ЧИНОВНИКИ

Знакомство с югославской системой самоуправления я продолжил в Любляне, столице Словении, и в Загребе, столице Хорватии.

Хорватия — вторая по величине после Сербии народная республика, а Загреб — второй по величине после Белграда город Югославии; многие находят, что красотой и благоустройством его улицы и площади превосходят белградские.

Тут православные церкви уступили место католическим; площади больше похожи на парки, где в тени гигантских платанов темнеют бюсты героев освободительной борьбы и любимых поэтов; заботливое городское управление даже мусорщикам на западноевропейский манер надело форменные фуражки и выдало урны-самокаты на велосипедном ходу; над парикмахерскими висят начищенные медные эмблемы — тазики цирюльника.

В Загребе есть расположенный на возвышенности Горний Град — самая старая часть города — и занявший низину Доний Град. Туристов водят в Горний Град через ворота древней башни. Здесь под закопченными сводами теплятся толстые восковые свечи и набожные горожане бьют поклоны перед темным распятием. Чтобы при коленопреклонении не пачкались брюки и юбки, для удобства молящихся предусмотрительно устроены деревянные низенькие скамейки.

Между коммуной Горного Града и коммуной Доньего Града произошел не очень давно серьезный пограничный инцидент. Грады заспорили из-за улицы. Улица оказалась как раз на границе их коммун. Куда же ее отнести?

«Наша улица», — твердили горноградцы. «Как бы не так, она исторически, этнографически, экономически всегда тяготела именно к нам», — возражали доньегоградцы.

И улица-то небольшая, без выдающихся исторических памятников и реликвий, да на ней много магазинов с большими оборотами и хорошей прибылью. Тут было из-за чего поспорить! Осталась она в конце концов за Доньим Градом.

Об этом забавном случае рассказал мне Ратко Пасарич, референт загребского народного комитета, объединяющего десять городских и семь сельских пригородных коммун.

— Да, коммуны у нас допускали грёшки (ошибки). Каждой хочется иметь побольше денег. Но мы стараемся экономически уравновесить их. Если в одной сосредоточивались крупные предприятия, другой давались торговые улицы, пригороды.

— Чтобы не было «бедных» и «богатых» коммун?

— Да, если хотите.

— И город может самостоятельно вносить поправки в границы своих коммун?

— К сожалению, нет. Это дело высоких инстанций.

Друг Пасарич рассказывает мне о том, как широко участвуют граждане Загреба в государственных делах. Вот, скажем, вы идете по улице, и в среднем каждый двадцать пятый встреченный вами господин или госпожа (в западной части страны, особенно в городах, эти слова встречаются в обиходе, пожалуй, столь же часто, как друг и другарица) является членом какого-либо комитета, совета или комиссии. Например, только в различных советах при общинных комитетах заседают, если взять всю страну в целом, шестьдесят тысяч человек! А ведь страна не очень большая.

Мой собеседник начинает перечислять: рабочие советы и комитеты управления на предприятиях, рабочие советы и советы потрошачей (покупателей) при магазинах, советы при больницах, амбулаториях, клиниках, советы при учебных заведениях... Десятки, сотни тысяч активно заседающих людей...

Я спрашиваю: не бывает ли при столь кипучей общественной жизни переплетения функций? Ведь, помимо перечисленных, есть выборные органы Союза коммунистов Югославии, Социалистического союза трудового народа Югославии, профсоюзов, молодежных организаций. Но друг Пасарич утверждает, что функции разграничены достаточно четко.

Доктор Матьянко Доленц, с которым я познакомился в Любляне, был несколько иного мнения, но сказал, что точное разграничение — дело самого ближайшего будущего.

Доктор Доленц занимает высокий пост «тайника», или секретаря, административного комитета района

Любляны. Я имел бестактность задать ему вопрос, не выявились ли за год существования коммунальной системы какие-либо отрицательные ее стороны. Доктор Доленц с протестующим жестом возразил мягко, но решительно:

— Сначала о положительном, позитивном.

Я снова услышал о десятках тысяч людей, вовлеченных в самоуправление; доктор Доленц особенно подчеркнул, что их деятельность не оплачивается. Он отметил также, что к коммунаам перешли многие важные обязанности — например, распределение стипендий. Известно, что стипендий дается маловато, поэтому крайне важно, чтобы они распределялись правильно; а кому, как не комитету коммуны, можно лучше и объективнее установить степень нуждаемости студента? У коммуны вообще много прав: она может даже построить небольшое предприятие, если, конечно, имеет для этого достаточно денег и если такое строительство одобрено вышестоящими организациями.

Доктор Доленц не отрицал возможности «эгоистических тенденций» в коммунах, но утверждал, что они не могут развиваться:

— Тут всегда вмешаемся мы!

— Но община ведь самостоятельна?

— Да, конечно, — подтвердил доктор Доленц, — но до известных пределов. Район обязан вмешаться, если решения общины противоречат законам или социалистическим интересам.

И он привел пример. Община городка Домжале после дискуссий в различных советах и комиссиях решила закрыть одну мясную лавку, считая, что она лишняя и не оправдывает себя. Но районный комитет отменил это решение как противоречащее социалистическим интересам и потребовал, чтобы община добилась прибыльности лавки.

Я заикнулся было о мелочной опеке, но доктор Доленц возразил, что прибыльность лавки — далеко не мелочь.

Позже мне удалось прочесть статью, рассказывающую о коммунах района Смедерево в Сербии. Там говорилось о довольно сложной процедуре обсуждения

проекта решения народного комитета. После очередного заседания комитет коммуны «взял обратно одно из своих предложений — о создании в городе новых коммерческих предприятий для улучшения продовольственного снабжения, — потому что четыре собрания высказывались против него после того, как присутствовавшие на них граждане доказали, что открытие таких предприятий приведет лишь к увеличению разницы между заготовительными и продажными ценами на продукты».

Каюсь, мне хотелось услышать или прочесть о менее сложной процедуре действительно самостоятельного решения более важных вопросов жизни коммун. Но, видимо, тут еще далеко не все носит позитивный характер... Не так давно тов. Кардель говорил, что «на узкой материальной базе самоуправления рабочих советов и коммун механизм самоуправляемых организаций трудящихся не может практически проявиться в достаточной мере и не может, со своей стороны, влиять на решение крупных материальных вопросов». Он отмечал, что именно эта узкая материальная база прежде всего влияет на застой деятельности этих органов.

...Доктор Доленц ознакомил меня со структурой управления районом. Я много наслышался от югославских друзей о борьбе с бюрократизмом и, по правде говоря, думал, что эта структура будет весьма простой.

Вот какой она в общих чертах оказалась. Во главе стоит народный комитет, возглавляемый председателем и тремя заместителями. У комитета две палаты: уездное вече и вече производителей. Затем идут девять постоянных комиссий и ряд временных. Это выборная часть.

Дальше идет аппарат. Во главе его секретарь, или тайник. Ему подведомственны семнадцать советов по разным вопросам, одиннадцать секретариатов, два управления (дорог и лесов, статистики и планирования) и еще четыре канцелярии, занятые исчислением и сбором налогов. Вся схема едва умещается на большом листе бумаги. От квадратиков, кружков, линий рябит в глазах.

— Система общинного управления, — говорит доктор Доленц, — позволила нам вовлечь в управление самые широкие массы. Только в нашем народном комитете двести два человека путем выборов пришли к руководящей государственной деятельности.

— И это позволило вам значительно сократить число платных чиновников?

— Гм! — произносит доктор Доленц несколько смущенно. — Нет, к сожалению, число чиновников не уменьшилось.

— Сколько же их в вашем аппарате, если это не секрет?

— Двести девяносто два на постоянной оплате и двадцать четыре на временной.

Триста шестнадцать чиновников на двести два избранных! Тут мне вспомнилось, что и в аппарате городского управления Загребя было около шестисот платных работников. Пожалуй, многовато...

— Известное увеличение числа чиновников — это исторически закономерный мировой процесс, — в голосе доктора Доленца появляются нотки привычного лектора. — Не только у нас в Югославии, но и во всех других странах наблюдается тенденция к росту чиновников. Это нормально: государственные задачи все усложняются.

— Даже там, где говорят об отмирании ряда функций государства?

Мой вопрос остается без ответа...

РАГИБ УЖИЧАНИН И ДРУГИЕ

Вот несколько заметок о встречах с разными людьми, большей частью о случайных встречах, почему-либо запомнившихся.

Рагиб Ужичанин говорит ровно, спокойно, бесстрастно. Его отец был грузчиком. Он пошел по той же дорожке. Мог таскать на хребте ящики по триста кило. Да, по триста, — был тогда помоложе и поздоровее, чем сейчас. Один такой ящичек упал на ногу, раздро-

бил кость. Это было еще в старой Югославии, и случилась очень обыкновенная история: когда он вышел из больницы, ему отказали от работы: какой ты, мол, теперь грузчик с разбитой-то костью?

...Мы встретились с Рагибом Ужичаниным на складе большой табачной фабрики в Сараево. Ее сигареты курит вся Югославия. Сильный, стойкий запах знаменитых здешних табаков пропитал полутемное четырехэтажное здание склада; достаточно побыть здесь полчаса, чтобы потом пиджак долго источал аромат, дразнящий курильщиков.

Рагиб Ужичанин — член рабочего совета фабрики; мне посоветовали встретиться с ним, с человеком легкой и типичной судьбы.

— Когда фашисты растрепали королевскую армию и король бежал, — рассказывает Рагиб, — всплыл этот гитлеровский пес, Анте Павелич. Его молодцы не посмотрели на мою разбитую ногу — мигом мобилизовали. Да... Записывайте, записывайте, друг книжевник, чего вы испугались? Того, что я был у Павелича? Быть-то был, да только и там нашлись хорошие ребята... В общем стал я помогать подпольщикам, выполнял их задания. А потом мне сказали: забирай винтовку, прихвати побольше патронов и уходи. Я только того и ждал. Выбрал ночь потемнее — и к партизанам под Прозор.

В тысяча девятьсот сорок третьем году я подал в партию. Мне дали испытание: послали разведать мост, по которому нам нужно было переправляться. Подползаю — вижу: гитлеровцы, человек шесть, пулеметное гнездо. У меня были гранаты... Ну, вернулся, доложил: мост свободен.

Потом случилась беда: в одном из боев Рагиб был ранен и попал в плен. В тюрьме его били железными прутьями, по ночам ставили под ледяной душ.

— С тех пор ушла моя сила, — тихо говорит Рагиб.

Из тюрьмы Рагиба перевели на рудник. Колючая проволока, прожектора, собаки. Но все же они бежали, двадцать пять человек, коммунисты, которых все равно ждала пуля. Рагиб снова пробрался к партизанам.

— Николай! — оживляется он. — Николаем его звали. Ваш лейтенант, такой щуплый, рыженький. Он собрал в отряде парней, тоже бежавших из плена. Там были русские, украинцы и еще какие-то нерусские, но тоже советские, из пустыни. Где у вас есть пустыня? В Туркмении, говорите? Может, то были люди из Туркмении, не помню. Или их называли как-то по-другому. Ох, и народ подобрал себе Николай! По сто гитлеровцев враз брали. А сам такой щупленький! Петь он любил очень, этот Николай, наши песни на привалах разучивал, боснийские...

В боях за Белград пулеметная очередь прошила Рагибу ноги.

— Ваша лекарка меня резала и зашивала. Строгая такая, Мария. Ходить, говорит, будешь, но о ногомете не мечтай. Ногомет — это по-вашему футбол. И грузчиком, говорит, тебе больше не быть.

Вылечившись, Рагиб пришел сюда, на эту вот табачную фабрику, и определился сторожем. Потом его послали учиться на курсы профсоюзного актива. Не шутите, он стал секретарем республиканского комитета профсоюза рабочих химической промышленности.

Ну, а затем подошла перестройка профсоюзного аппарата. За секретарство перестали платить...

До перевыборов он оставался секретарем у химиков, однако ради заработка должен был заведовать рестораном. Но тянуло его на фабрику, и он вернулся сюда. Его назначили шефом сторожей. Что такое шеф? Ну, вроде начальника над сторожами. Когда на фабрике открыли курсы повышения квалификации, он пошел туда, подучился, сдал экзамены и теперь работает здесь помощником заведующего табачным складом. Вот и весь рассказ.

— Друг Ужичанин, — добавляет директор фабрики, — активный член рабочего совета, заместитель председателя фабричного дисциплинарного суда. Он один из тех, кто конкретно осуществляет руководство нашим предприятием.

Рагиб Ужичанин мягко улыбается, протестующе поднимает руку: нет, нет, не надо его хвалить. И вообще, поговорили, а теперь за работу!

Земля Далмации горяча даже в конце октября.

Паве Реич стоит возле невзрачного каменного строения — худой, жилистый, черный от загара далматинский крестьянин. Улыбаясь беззубым ртом и щурясь на солнце, он нетерпеливо переминается с ноги на ногу, а руки его, не любящие покоя, проворно связывают какие-то обрывки бечевки.

Да, это верно, что он, Паве Реич, одним из первых вступил в здешний сельскохозяйственный кооператив. Это было десять лет назад. В задругу собрались почти все бывшие партизаны, много коммунистов. Теперь задруга на крепких ногах. Его, Паве Реича, десять лет переизбирают председателем задружного комитета управления. Но, как видите, он по-прежнему работает простым огородником, выхаживает капусту, — посмотрите, что за капуста, загляденье! И в семье у него достаток. Вот только разве дом...

— А что дом?

Нет у Паве Реича дома. В старую избу к концу войны попала английская бомба. Англичане летали со своих баз из Италии и иногда по пути бомбили побережье. В тот день, когда бомба разбила дом Паве Реича, было убито и ранено двести пятьдесят человек. Больше всего погибло детишек. Впрочем, пострадали и семь немцев...

С тех пор Реич снимает комнату у чужих людей; но ничего, когда-нибудь удастся скопить денег и на дом: семья большая, все работают.

— В задруге?

Реич отрицательно качает головой: один сын — слесарь, другой — чертежник, а три дочери — чиновницы.

— У них розовые ногти, а у тех, кого кормит земля...

Паве, смеясь, растопыривает пальцы — корявые, все в черных трещинах пальцы вечного, неутомимого труженика.

— Ведь у ваших колхозников тоже такие руки, верно?

В вагончике, который бросает из стороны в сторону по рельсам горной узкоколейки, сидит крепкий плечистый старик. Не выпуская изо рта крохотной трубочки, он сиплым, грубоватым голосом нехотя рассказывает о себе. Весь вагончик собрался возле него, а двое молодых черногорцев сидят прямо на полу: не нашлось места на лавках.

Божо Асанович — бунтарь и революционер. За свои шестьдесят восемь лет он объехал весь мир. Мальчишкой сбежал из Черногории в Южную Америку и дрался там против какого-то диктатора.

У них, черногорцев, были старые счеты с турками. Молодые, наверное, уже не помнят о письме, которое прислал черногорскому королю Николаю один юнак, случайно оказавшийся в Турции как раз в то время, когда турки опять пошли на сербов? Ну, конечно, не помнят! А в том письме юнак спрашивал, как ему быть: возвращаться в Черногорию или драться с Турцией один на один в тылу...

Вот какие были раньше люди. Ну, когда турки напали на болгар, он, Божо Асанович, и еще шестнадцать молодцов, скитавшихся по Америке, сели на корабль и восемьдесят дней пробирались в Европу, чтобы драться с турками. После войны он кочевал из страны в страну, не раз сидел за решеткой. Когда в Испании стали безобразничать фашисты, Божо Асанович вступил в интернациональную бригаду.

— Жарко там, в Испании. Солнце и камень. Русские говорили, что испанское солнце хуже фашистских гранат.

Старик смотрит в мою сторону и вдруг вполголоса произносит слова, увы, неудобные для печати...

— Это ваши добровольцы так ругали жару и генерала Франко.

Старик озорно фыркает и скрывается в облаке дыма.

Божо Асанович едет в Белград, чтобы встретиться с другими участниками боев в Испании. Он спрашивает меня, дорого ли стоит билет до Москвы.

— Россия — наша майка (мать). Ежели бы не было русских, серб был бы не Стоян, а Юсуф, ходил бы не в церковь, а в мечеть, на голове носил бы не шапку, а феску. Это мне еще дед говаривал. Теперь я сам дед и говорю о том внукам.

* * *

Маленький курортный городок Херцегови. Мато Данилович, служащий одного из здешних отелей, показывает мне местные достопримечательности. Ему шестьдесят восемь лет, и большую часть жизни он прожил в Херцегови.

— О, тут было много русских! Большие аристократы, князья. Да, да, они бежали от большевиков. Тут была одна графиня, она раньше там у вас, в Петербурге, никогда не причесывала сама волосы, не умела одеваться без камеристки. О, волосы пришлось остричь, графиня ехала без слуг, завелись вошки...

— Где же теперь эти люди?

— Теперь? Многие — там.

Мато Данилович показывает на гору. На горе — кипарисы старого кладбища.

Мы заходим в библиотеку, — Мато непременно хочет показать редкие русские книги, — потом идем к развалинам крепости, затем на рынок, где можно увидеть красивые народные костюмы. Рынок уже наполовину пуст, над раздавленными гроздьями винограда жужжат осы.

— А-а! Вот! — восклицает вдруг мой спутник и показывает рукой в угол, где сидит какой-то старьевщик.

Он очень жалок в своем надвинутом на глаза выцветшем картузике; несмотря на жару, старьевщик одет в засаленный грубошерстный пиджак, в нескольких местах неумело залатанный. Перед ним на деревянном ящике из-под консервов, прикрытом тряпкой, разложена всякая рухлядь: какие-то флакончики, ржавые дверные петли, пакетики с краской.

— Видели?

Я пожимаю плечами, вопросительно смотрю на своего спутника.

— Ваш полковник. Русский.

Этот старьевщик?! Данилович видит у меня в глазах сомнение и тотчас тащит за руку к старику:

— Вы ведь полковник Вигаст?

— Так точно, — старик поднимает безразличные глаза.

— Вот ваш земляк.

— Очень приятно, — старик чуточку оживляется. — В Харьковском его императорского величества полку не служили? Нет? Жаль, жаль.

Старик, у которого, как видно, смешались представления о времени и событиях, достает грязный платок, вытирает слезящиеся глаза.

— Болят, — говорит он. — Один я. Пенсия по старости — две хиляды. А наторговал вот, верите ли, всего сорок динаров. Это с пяти-то часов утра. Так из Харькова, говорите, никого не знали? Жаль. Ну, очень приятно было познакомиться.

И, ссутулившись, он снова застывает — жалкий огарок, выброшенный прочь из жизни, никому не нужный, у которого нет даже последней надежды — лечь в родную землю, под родные березы.

* * *

Запомнился еще один неожиданный разговор на улице в Цетинье, прежней столице Черногории. Грузный старик в старомодном черном сюртуке, у которого я спросил дорогу в музей, вместо ответа выпалил:

— Плохо у нас, господин, плохо. Никогда не было так плохо.

Он испытующе сверлил меня маленькими глазками.

— Я спрашиваю, разве это жизнь? — старик сердито застучал тяжелой, украшенной серебряной монограммой палкой о камень мостовой. — Тьфу!

Я сказал, что не понимаю его.

— А, не понимаете!

И старик зашептал злобно, отрывисто. Он мешал русские слова с сербскими и немецкими. Я до сих пор

не знаю, за кого он меня принял; скорее всего просто хотел отвести душу, выбрав для этого иностранца. Он рассказал, что у него было в Цетинье три дома — верный кусок хлеба к старости. А теперь в его домах, в его собственных домах поселились какие-то голодранцы. Было бы другое время, он бы их...

И старик с неожиданной силой ударил палкой о камень, как бы пригвождая кого-то к мостовой.

Мне не о чем было говорить с этим господином. Я пошел дальше и вскоре оказался перед дверью музея народно-освободительной борьбы.

В одном из залов висела, сильно увеличенная, как видно, с любительского снимка, фотография юноши. Его руки с худыми, тонкими пальцами были перекручены стальной цепочкой. Юноша смеялся.

Снимок, с которого увеличили фотографию для музея, нашли в бумажнике у одного из интервентов. На оборотной стороне было нацарапано карандашом, что это снят студент Чедо Чупич из города Никшича: удачно снят в тот самый момент, когда ему читали смертный приговор.

Палачу хотелось запечатлеть страх, смятение, мольбу о помиловании. Юноша не доставил ему этого удовольствия. Десятки тысяч людей молча смотрят теперь на рот, железной силой воли сведенный в улыбку, ловят взгляд глаз, которым через несколько секунд суждено было закрыться навеки.

Рядом с этим потрясающим душу снимком много других фотографий кровавых расправ: партизанка, которую ведут на расстрел, трупы народных героев Кружки и Буто-Ходжича, повешенных на старом вязе, партизан, повешенный за руку, двое коммунистов, повешенных вниз головой.

Вниз головой...

Было у кого учиться извергам, которые как раз в те дни охотились за коммунистами на улицах Будапешта. И как знать, может быть, один из палачей Чедо Чупича, постаревший, сменивший гитлеровский мундир на партикулярное платье и до поры до времени выжидавший в своей норе, — может быть, именно он со знанием дела набрасывал петлю на окровавленную

жертву, которую волокли к фонарному столбу на будапештской улице.

И пока я думал об этом, в моих ушах отдавался стук палки, как бы пригвождавшей кого-то к мостовой...

СОЛНЕЧНАЯ АДРИАТИКА

Поезд бешено мчится с гор, продырявленных тоннелями. Скалы известняка и придорожная зелень сливаются в серую ленту. Наконец из черного мрака последнего тоннеля мы выныриваем навстречу ослепительному сиянию моря и неба.

Большой город, вытянувшийся вдоль побережья, не похож на курортные местечки Адриатики. Заводские трубы, краны, судовые корпуса на стапелях — все это придает Риеке рабочий, деловой облик. А сколько тут кораблей! Один из них как раз уходит в море. Я различаю надпись: «Караганда». Здравствуй, землячка!

Риека — больше чем главный порт Югославии. Это, пожалуй, торговая гавань Средней Европы. Через риекские причалы каждый год проходит три с половиной миллиона тонн грузов из разных стран и в разные страны. Здешняя верфь спускает со стапелей большие корабли. Одним словом, Риека — город моряков и судостроителей.

Я спрашиваю на улице паренька, как пройти в порт. Он вызывается проводить меня. Паренек милый, с грустными глазами. Видно, у него неважно со здоровьем, он покашливает, на нем поверх рубашки натянут старый вязаный жилет.

— Горит восток зорою новий...—начинает вдруг он.

— Где учили русский?

Да в школе, вот где. Он может и по-французски. Очень хотелось учиться дальше, но пока нельзя, надо работать: он старший из ребят, а дома у матери еще трое...

Управление порта занимает большое здание казенного вида. Вместе с председателем портового комитета профсоюза Степаном Баричем мы идем в комнату, где

заседают разные комиссии, комитеты, пленумы. Сейчас сюда заглянули председатель портового рабочего совета Бениамин Чикович, заместитель секретаря организации Союза коммунистов Павав Матайя и секретарь профсоюзного комитета Юру Булич. Все это народ молодой: самому младшему двадцать лет, самому старшему тридцать два года.

Партийный комитет порта объединяет пять организаций. Они созданы по профессиональному признаку: у механизаторов своя партийная организация, у грузчиков — своя, у рабочих внутреннего транспорта порта — своя...

Чисто производственные вопросы в парторганизациях обсуждаются сравнительно редко.

Дело партийной организации, говорит Павав Матайя, — политико-воспитательная работа. Влиять на коллектив она должна главным образом через членов Союза коммунистов, которые, как наиболее авторитетные среди портовиков люди, естественно, имеются во всех руководящих органах.

Профсоюзный комитет порта состоит из одиннадцати человек. Ни один из них, в том числе председатель и секретарь, не освобождены от основной работы и не получают за выполнение профсоюзных обязанностей ни динара. Нет в порту и освобожденных партийных работников.

Распределение обязанностей между членами портового комитета профсоюза уже дает некоторое представление о характере его деятельности. Председатель и секретарь ведают общими делами; остальные занимаются вопросами: политической работы, обучения рабочих, отдыха портовиков, социального здравоохранения, нормирования и оплаты труда, гигиены и техники безопасности, культурно-просветительной работы, финансов, сбором членских взносов.

Комитет имеет несколько подкомитетов, созданных также по профессиональному признаку.

Наговорившись в комнате заседаний, идем в порт. Над причалами поднимаются мощные краны, но и тачка здесь в почете. Могучие битюги, запряженные в телеги на резиновом ходу, цокают подковами по мо-

стовой. Ярко-красные тягачи «фордзон» переставляют вагоны, заменяя паровоз.

Юру Булич, профсоюзный секретарь, работает шефом одного из складов. Мы идем к Буличу в гости. Его склад имеет пять этажей и еще подземную часть. Лифты поднимают ящики с компотом, черешней, сиропами, малиновым соком, предназначенными к отправке в Советский Союз. Тут же стоят ящики с албанским липовым чаем. Один угол занимают кипы овечьей шерсти, привезенной из Австралии, другой — чехословацкие моторы, готовые к отправке в Бирму. Сложные пути проделывают иные грузы, попадающие на склады Риекского порта.

Юру тащит меня в «мензу» — столовую портовиков. Помещение не ахти какое — темновато, тесно, — но цены в мензе значительно ниже, чем в обычных городских столовых. Наибольшим спросом пользуются вареная фасоль, фаршированный перец, «кисело млеко», суп с макаронами, отварные макароны.

В мензе питаются большей частью сезонники: они составляют чуть не три четверти портовиков. Это в основном крестьяне, ищущие приработка. Больше всего приходит в порт грузчиков из деревень Боснии. Работа в порту кажется им легкой: ведь в крестьянском хозяйстве Боснии все еще очень мало машин и землю пашут на волах.

Неутомимый Юру ведет меня в душевую, потом в гараж, потом на причалы. Какие только флаги не полощутся на ветру над судами, приткнувшимися к этим причалам!

Юру весел, жизнерадостен и немножко фамильярен. Он приятельски подталкивает плечом старших, берет их за подбородки, показывая всем своим поведением, что профсоюзный секретарь не какой-нибудь там чиновник...

Вот Чиро Романини, грузчик в выцветшем берете. Чиро лет пятьдесят, но он до сих пор таскает на спине по сто килограммов. Юру бьет по плечу Чиро. Тот отвечает ему тем же.

— А как с зимницей? — спрашивает Чиро, становясь серьезным. — Смотрите не прозевайте фасоль!

«Зимница» — это что-то вроде известных и у нас самозаготовок. Профсоюзный комитет посылает людей за картофелем, дровами, фасолью туда, где все это дешевле. Закупленное привозится в порт и продается рабочим и служащим.

— Чиро, — строго говорит Юру, — ты покупал у нас картофель?

— Да, конечно.

— Сколько ты платил за кило?

— Вы же знаете, по одиннадцать динаров.

— А на рынке платят по двадцати. Так? Надейся на нас — будешь с дешевой фасолью!

Юру ведет меня туда, где грузится «Сараево» — новый пароход, построенный в Риеке. Возле него на причале горы хлопка из Америки.

— Русский лучше, — говорит Юру. И тут же хлопает себя по лбу: а клуб-то он не показал! Мы идем в «Дом культуры портовых работников». Там ремонт. Но Юру пробирается сквозь леса и показывает: тут комната шахматистов, там — любителей драматического искусства...

Мы еще долго ходим по порту, и Юру рассказывает, как после войны все тут было разрушено и как трудно пришлось тем, кто восстанавливал все эти причалы и склады. Да и сейчас еще нелегко. Не все портовики хорошо зарабатывают, плоховато с жильем.

Славный парень Юру Булич! Сколько в нем энергии, веры в свои силы, да, видно, и умом бог его не обидел: все-таки в двадцать лет быть секретарем профсоюзной организации крупнейшего порта страны — это чего-нибудь да стоит!

Вечером улицы Риеки заполнены толпами моряков. Иностранцы идут в морской клуб в центре города. Это коммерческое предприятие с биллиардной, шахматными столиками и большим карточным залом, где с помощью рыцарей зеленого сукна в один вечер можно спустить все, что накоплено за долгое плавание.

Полны портовые кегельбаны; за синей завесой табачного дыма едва можно различить кегли. Каждый ловкий удар приветствуется криками и аплодисментами.

На набережной, против зеркальных витрин туристских контор, где в сиянии электрического света белеют модели роскошных лайнеров, горланят песни подгулявшие матросы. В порту мелькают тени грузовых стрел и слышатся хриплые голоса команды.

* * *

Несколько дней я прожил в Сплите. Его красоты и достопримечательности описывались столь часто и подробно, что, пожалуй, здесь нет надобности еще раз возвращаться к ним. Право, в Сплите жаль поспать лишний час, лишая себя возможности провести его возле лазурного моря — теплого, ласкового, воспетого поэтами Адриатического моря.

Обычно я шел к морю до восхода. Глубоко врезанная в берег сплитская бухта редко пустует. Плавучие доки и большой судостроительный завод также немало способствуют тому, что приморская часть Сплита не знает ночного покоя.

Не знает покоя и обсаженная пальмами набережная Тито. На рассвете тут свое особое оживление, совсем не похожее на праздное вечернее. Сюда приходят парусные шхуны и баркасы, груженные дровами. Впрочем, с нашей точки зрения, это не дрова, а черт знает что такое: какие-то корявые тонкие стволы, сучья, корни. Как все это рубить и как этим топить, одним сплитчанам известно. Но других дров нет. Этот хлам продают по цене, от которой хозяйки хватаются за голову.

А пока разгружают дрова, на набережную вкатываются повозки с сухими кукурузными стеблями и листьями. Это тоже ходкий товар: его складывают в освободившиеся от дров трюмы. Дело в том, что на каменистой сухой почве некоторых островов Адриатики приживаются лишь горные кустарники. На этих островах кукурузные листья в большом спросе: рыбаки, например, набивают ими матрацы.

Какое-то тупоносое суденышко мнет воду, торопясь к берегу. Оно еще не пристало, а ветер уже доносит винные запахи. На суденышке огромные бочки с вино-

градным вином нового урожая. Его будут перекачивать в вагоны-цистерны.

Из-за волнолома выныривают рыбацкие парусники. Рыбаки спешат: скоро покажется солнце. Первый деревянный ящик с серебристыми сардинами буквально на ходу попадает в жилистые руки возчика раньше, чем веревка с суденышка захлестнет причальную тумбу. Возчики давно ждали на набережной со своими ручными тележками. Теперь все нервничают, торопятся. Лица рыбаков серы от бессонной ночи. Они лихорадочно разгружают рыбу. Скорей! Скорей! Слышатся смутно знакомые слова, увы, не украшающие ни один славянский язык...

Возчик, впрягшись в оглобли, рысцой трусит к рынку, а рыбаки нетерпеливо подталкивают тележку сзади. Важно привезти ночной улов как можно раньше, чтобы распродать его тем, кто торопится на работу. Далматинцы понимают толк в рыбе, требуют самую свежую. На рассвете она стоит сто пятьдесят динаров кило, к часу дня — шестьдесят, даже сорок динаров. Но вот что любопытно: в этих краях, где море не скупится на рыбные деликатесы, лучшим лакомством считается... привозимая за тысячи километров грубая норвежская треска, высушенная, провяленная прямо на камнях!

А вот и солнце. Вскоре откроются двери отелей, туристы выйдут на утреннюю прогулку. К этому часу набережная будет нарядной и чистой, последние кукурузные листья и щепки соберут мусорщики. Уйдут и рыбацкие баркасы.

Но не одни же частники, спешащие на утренний базар, промышляют в водах Адриатики! Разумеется, нет, и вот доказательство: солидная учрежденческая табличка «Риба» на фасаде одного из домов.

Саенко Брайевич, коммерческий директор «Рибы», любезно знакомит с деятельностью предприятия. В основном оно покупает и перепродает рыбу, но немножко промышляет и самостоятельно, своим флотом. У кого покупает? Две трети — у рыболовецких кооперативов, остальное — у «приватных» рыбаков.

Летом, когда уловы богатые, флот «Рибы» зани-

мается главным образом перевозкой скупленного. Он, Брайевич, в это время не знает покоя: надо командовать судами, распоряжаться по радио, куда что везти.

Да, к нему сходятся все нити. Он должен отлично знать рынок, чтобы точно определить, сколько рыбы выгоднее отправить по городам Югославии, сколько экспортировать в Италию, сколько пустить на переработку. Здешние консервы идут в Южную Америку, Австрию, Бельгию, Австралию, в Бельгийское Конго. Они успешно конкурируют с португальскими сардинами.

Заходит разговор о ценах. Частникам «Риба» платит по таксе, установленной местной торговой палатой, кооперативам — по цене, установленной местным союзом кооперативов. Допустим, союз установил цену — шестьдесят динаров за кило. К ней он делает дополнительную наценку в пятнадцать динаров; три динара идут на содержание союза, восемь-девять — в основной фонд кооперативов, а два-три динара остаются для поощрения рыбаков.

— А при покупке у частника наценок нет?

— Нет.

— Но тогда вам выгоднее покупать у частника?

Мой собеседник улыбается и разводит руками: разве вообще можно обойтись без частника? На Адриатике промышляют пятнадцать тысяч югославов, но едва треть из них — профессиональные рыбаки. Надо поддерживать и профессионалов, значительная часть которых промышляет коллективно, и тех, кто ловит только в сезон, ради приработка. Вообще нужна гибкость, гибкость и гибкость. «Риба» ведь не монополист, у нее есть конкуренты.

— Кто, например?

— Да вот «Ядран».

Оказывается, конкурент совсем близко, даже не в двух, а в полутора шагах: контора «Ядрана» помещается в одном коридоре с «Рибой».

Я перехожу в лагерь конкурента.

Чем отличается «Ядран» от «Рибы»? «Риба» главным образом скупает и кое-что ловит, «Ядран», напротив, больше ловит и кое-что скупает.

— Мы с «Рибой» каждый за себя,— говорит председатель рабочего совета «Ядрана», заведующий складом Миховил Франич. — «Ядран» «дерется» со своим конкурентом только на внутреннем рынке, а за границей теперь договорились действовать сообща.

— Но почему бы тогда не передать целиком экспортные операции одному из предприятий?

Франич считает, что это было бы стеснением свободы и шагом к монополизации.

В разговоре выясняется, что ни «Риба», ни «Ядран» не заинтересованы в покупке и продаже мелких партий рыбы. Они отдают торговлю на городском рынке почти целиком в руки частных. Не исключено также, что какой-либо предприимчивый хозяйчик в горячую пору скупает по дешевке мелкие партии у рыбаков победнее прямо на месте лова и перепродает «Ядрану» или «Рибе».

Разумеется, заходит разговор о доходах, о прибылях, о «вышаке».

— Как у вас в этом году?

Франич понуро опускает голову. Да, мыслилось, что будут добыты горы рыбы, но год пока что неудачный. Вся надежда на зимний улов. А если и тут не выйдет, тогда...

Я знаю, что бывает тогда, когда нет прибыли.

После этих разговоров я уже как-то по-другому смотрю на паруса рыболовецких судов. Но море яркосинее и такое спокойно-ласковое даже в эти осенние дни, что хочется верить в рыбацкую удачу на зимнем лове, в те возделенные горы рыбы, которые возбуждают радужные надежды на «вышак» и гонят прочь мрачные мысли об урезанном заработке и других неприятностях.

* * *

В Сплите я повстречал советских туристов. Их только что привезли к Адриатике, к солнцу из осеннего Сараево, где уже осыпались листья.

В нарядном автобусе фирмы «Путник» нашлось местечко и для меня. Мы помчались вдоль набережной, залитой солнцем. «Море смеялось» (я похищаю

это выражение у Горького — трудно найти другое, которое так подходило бы к полуденной Адриатике). Над пальмами бульвара носились чайки, и белый нарядный пароход готовился плыть в голубизну моря и неба.

Мы поехали за город, в галерею Ивана Мештровича — югославского скульптора, живущего в Америке, но присылающего на родину многие свои работы. Галерея занимает бывшую виллу Мештровича. Вечная зелень субтропиков окружает светлые стены галереи, ароматный мирт и земляничное дерево заглядывают через невысокую каменную ограду.

Потом мы вернулись в город, и экскурсовод, влюбленный в древности, повел нас в Диоклетианов град. Он ласково трогал тысячелетние колонны, и его вдохновенный голос переносил нас во времена Рима.

Все туристы были сибиряками. На завтра им предстояла поездка вдоль побережья, затем отдых в одном из отелей «адриатической жемчужины», как называют здесь курортный городок Опатию.

Среди туристов был молодой инженер. У него что-то не ладилось с «Зорким», и я попытался помочь ему.

— До чего обидно, до чего обидно...— бормотал он.

Я думал сначала, что его огорчает неисправность фотоаппарата. Но он высказался вдруг горячо и определенно:

— Вот скажите, почему так? Тут красота, пальмы, галереи, римские дворцы, как в сказке. А у нас...

— Где у вас?

— Ну, у нас, в Новосибирске...

Я посмотрел на него. Ему было лет двадцать пять— двадцать шесть. Значит, он не может знать старого Новосибирска. А я хорошо помнил жалкий провинциальный городишко с несколькими каменными домами — Новосибирск 1924 года. Тот самый Новосибирск, который стал теперь одним из крупнейших в мире центров машиностроения и огромным городом, по числу жителей далеко превосходящим не только Сплит, но и югославскую столицу.

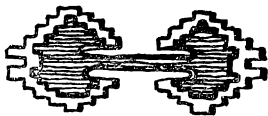
Да, там нет пальм, моря, Диоклетианова града. Но отнимите-ка от Сплита пальмы и море! Это, конечно,

очень экзотично — бродить беспечным туристом по средневековым улочкам, среди которых есть такие, где вы прижимаетесь к стене и с вежливой улыбкой показываете всем своим видом встречному: проходите, мол, я пока врасу в стену. Но ведь на этих не знающих солнца улицах живут люди, много людей. И Диоклетианов град отнюдь не музей; между колоннами протянуты веревки с бельем, и связки красного перца свешиваются вдоль исторических стен. Мне говорили, что в граде обитают сейчас три с половиной тысячи человек — и, дорогой мой обитатель коммунального дома в Новосибирске, попробовали бы вы пожить в разгороженных переборками неотапливаемых каменных казармах римской крепости!

Нелепо утверждать, что у нас все хорошо, а везде все плохо. Но сколько все-таки поверхностных, односторонних впечатлений привозят домой вместе с сувенирами и яркими наклейками на чемоданах иные любители иноземной экзотики!

* * *

Не принято кончать книжку извинением, но я все же хочу это сделать. Пусть читатель простит мне, что я не рассказал ему о больших заводах Югославии, о строительстве гидростанций, о росте производства стали, об университетах и о многом, многом другом. Но у нас уже выходили книги, где как раз обо всем этом говорилось и притом весьма подробно. Я же своими непритязательными очерками, рассказывающими главным образом о быте и нравах, старался лишь в какой-то мере дополнить их.

СОДЕРЖАНИЕ

Надпись на камне	3
Утро и вечер	6
Улицы в Сараево	12
На предприятии «Иван Милутинович»	17
Дунай — Тисса — Дунай	24
Прибыли и убытки	30
«Иерко Иванчич», трудовая задруга	36
В македонском селе	44
Коммуна Крань	50
Избранники и чиновники	55
Рагиб Ужичанин и другие	60
Солнечная Адриатика	68

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» при участии секции очерка и научно-художественной литературы Союза советских писателей СССР выпускает маленькую библиотечку.

Эти очерки рассказывают о примечательных событиях наших дней внутри нашей страны и за рубежом.

В ближайшее время в библиотечке очерков выйдут:

Д. Данин — Добрый атом,

А. Злобин — Репортаж с наплавного моста.

И. Осипов — Приморская весна

Кублицкий Георгий Иванович

В ЮГОСЛАВИИ

Редактор *Э. Коновалова*

Худож. редактор *Н. Коробейников*

Техн. редактор *Л. Волкова*

*

А03716 Подп. к печати 13/IV 1957 г.

Бумага $84 \times 108\frac{1}{32} = 1,25$ бум. л. =
=4,1 печ. л.+4 вклейки Уч.-изд л. 3,81

Тираж 30 000 экз. Заказ 442

Цена 1 р. 35 к.

*

Типография „Красное знамя“

изд-ва „Молодая гвардия“.

Москва, А-55, Сушевская, 21.

Молодая гвардия

